

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 1 2022

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 1 2022

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief

Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilyevich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Marianna A. Balasarian, Georgia, Doctor of Philology
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8
– Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

INDEX COPERNICUS INTERNATIONAL The journal has Index Copernicus Value (ICV) 72.42 for 2018.

GIF® GLOBAL IMPACT FACTOR The journal has the GIF impact factor .342 for 2019.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Demography and ethnography

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-3-18>

Hendrar Prihadi,

Budi Setiyono,

Yuwanto,

Teguh Yuwono,

Doctoral Program of Social Science

Faculty of Social and Political Sciences,

Diponegoro University, Semarang, Indonesia

E-mail: hendrarprihadihendi@gmail.com

SEMARANG SMART CITY GOVERNANCE MODEL

Abstract. Problems and challenges in the globalization era require a city having a smart solution in solving increasingly dynamic and heterogeneous problems. But as the concept of smart cities develops, each region has its own concept and way of solving the strategic issues of the city in different ways, if the challenges and problems of different regions will also give rise to different smart city concepts based on the region situation and conditions. This can be understood because the smart cities concept in Indonesia that can be a pattern to be a guideline for all regions does not yet exist and big cities concept in the world is also different as well as dimensions vary. Therefore, during the time development, the concept of Semarang Smart City needs to be reconstructed following the situation and urban conditions faced. This study aims to find out the right reconstruction concept in smart city governance in Semarang City so that it can be used as a concept to answer various things related to smart city governance comprehensively. The method used is a qualitative method with a descriptive and comparative approach, data collection use interviews, observations, and FGD. Based on this study, it was found that the Governance of Semarang Smart City compare the declaration of smart cities in 2013 presented many differences. The differences that exist show that the condition of solving strategic issues is more subtle and measurable. The factors that support the implementation of Semarang Smart City for the period 2013–2020 are formed 7 factors, namely leadership factors, public policy, E-Gov / SPEB, Institutional Relations, Social Communities, Stakeholder Interaction and Religious Aspects. From these factors give rise to new current factors that can support the implementation of smart city governance in the future, namely there are factors of the Industrial Revolution 5.0, The Concept of New Order (post-pandemic), Patterns of Cross-Functional Relations. The concept of Smart City governance used by local governments in Indonesia is the smart city governance

model from the study that has accommodated factors affecting on the smart cities' dimensions in the future, as well as not only support smart city governance based on ICT but also non-ICT based on sustainable development goals in order to prosper the community.

Keywords: Smart City; Management System; Semarang City; Globalization Era; and Strategies Issues.

I. Introduction

The situation and condition of a city cannot be separated from the dynamic process of factors or elements that affect it in the regional autonomy era. This era of regional autonomy made many of the once centralistic authorities dicentric. This causes the role of local governments in this case districts and cities to be high because in real terms that directly overshadow the population in a region. On the basis of the implementation of regional autonomy and the rapid development of globalization plus the growth of information technology in all life lines, the complexity of urban problems will be more challenges and problems faced in the future and more heterogeneous compared to past situations and conditions.

The population growth takes various problems that is oriented onto the lost of basis function infrastructure in order it is able to decrease pleasure feeling and life quality (Gil-Garcia [8]; Gil-Garcia et al. [13]; Nam & Pardo [8]). In the other side, this social problem no less complicated in their level and complexity (Gil-Garcia et al. [13]; Hara et al. [16]). Some experts argue that the population may not be a threat to the city, but the consequences of changing economic and technological power force the city to face competition and the burden of intercity competitiveness (Giffinger et al. [11]; Lazaroiu & Roscia [20]). Those Challenges to competitiveness and sustainable development simultaneously impact quality of life issues in cities, such as issues relate on housing, economy, culture, social and environmental. To achieve a good position, cities need to identify strengths and opportunities and ensure competitive advantage over cities of other levels (Lazaroiu & Roscia [20]). The strategic issues of the city that have been known have been handled, in the future will arise new strategic issues or old issues

able to reappear due to increasingly heterogeneous urban development.

The government as a development policy maker as well as a development manager have to be able to expand people's access to resources aiming to realize the welfare of their people. Various matters related to basic services, social protection, availability of infrastructure and government services and other services that are in accordance with the authority become the government's responsibility for the survival of urban communities. Based on this condition, the availability of various public services is a responsibility that must be intervened by the government to improve living standards and reduce various development problems.

Nowadays, people are increasingly modern in urban areas, have a myriad of expectations, such as a comfortable living and work environment, the existence of adequate public areas, and the ease of managing all forms of public services. For this reason, the concept of *Smart Cities* is a highlight discussion and continues to be echoed in various cities in the world, including in Indonesia. For the Indonesian context, Smart Cities are cities that have the capability to manage all resources effectively and efficiently in solving urban problems with innovative, integrative, and sustainable solutions to improve the life's quality (Pratama [30]). This issue is also a solution for local governments in highlighting various problems that are often found in the city they lead.

Many comparisons about the implementation of Smart Cities in cities in the world that can be used as the best implementation such as Singapore (examples of neighboring developed countries), India (examples of large population countries such as Indonesia) and America (examples of developed and influential countries in the world). According

to the study from (Veselitskaya et al. [34]) of the Russian University stated that the city has become a key element in the national administrative system that shapes the future appearance of the earth. From the results of their study, identified drivers and obstacles to smart city development. Those Common factors for all cities contributing to development are advanced infrastructure, widespread use of ICT, citizen involvement in urban development, as well as increased public and private partnerships. The barriers to development are conflicts of interest of the city government, citizens and businesses; information security issues. According to (Calder [6]) stated that Singapore is not only a smart country that is adept at providing high levels of national welfare and security at minimal cost to its citizens, but also smart cities that create livable urban environments by featuring quality housing, home ownership, easy and efficient transportation from one place to another. place, and impressive innovation in resource management and environmental protection. Singapore is able to focus on these issues more intensely and efficiently than most nation-states.

In addition, its institutions have unusual coordination mechanisms, such as EDB, and a lack of stimulation, which make for a broad and integrated policy approach that synergizes with the rapid advancement of the Digital Revolution. In addition, the research by (Hall et al. [15]) Brookhaven National Laboratory, Upton, New York, America states that in the long-term vision of Smart Cities, systems and structures will monitor their own condition and make their own improvements, as needed. The physical environment, air, water, and surrounding green spaces will be monitored in a non-intrusive manner for optimal quality, thus creating a better, cleaner, efficient, and safer living and working environment and offering these advantages within the framework of the most effective use of all resources.

As in developed countries, the concept of smart cities in Indonesia is indeed being encouraged by several Ministries or State Institutions. Unfortu-

nately, there is no generic regulation that regulates this smart city in Indonesia. Even every institutional in the Central Government defines and describes this smart city in a different perspective according to the authority of the affairs it has. There is not yet a single word on the concept of smart cities that can be a national reference for the region. Even regions when creating or drafting smart city master plans use different dimensions of smart cities.

In Indonesia some major cities that are developing the concept of smart cities include: Jakarta, Surabaya, Bandung, Makassar, Tangerang, South Tangerang, Medan and others including Semarang City. They are not only metropolitan cities that initiated smart cities concept for the area, but also medium cities and small towns did not miss initiating this concept. Through the smart city acceleration program by the Ministry of Communication and Information, the Movement Towards 100 Smart City Program, so that many cities continue to develop this concept in succeeding this program. In this program, smart cities concept is classified out in 6 dimensions, namely: *smart economy*, *smart people*, *smart government*, *smart mobility* and *smart living*. These six dimensions are expected to be the answer to various problems faced by the city or district, but in its implementation, it must still be adjusted to local wisdom by looking at the characteristic conditions of the region and the needs of the people in the region. In addition to the Ministry of Communication and Information, the Ministry of Home Affairs through Government Regulation No. 28 on Regional Cooperation (Peraturan Pemerintah (PP) Nomor 28 Tahun 2018, 2018) also participated in rolling out smart city programs. Where the ministry wishes in the final stages of Smart City, a city able to become a competitive city based on technology with the support of synergy of cooperation between local governments and stakeholders.

The development of smart cities in Semarang city is not only to provide bureaucratic efficiency by utilizing information and communication technology

(ICT) but also how to build a society by making ICT and non-ICT facilities as a supporting factor or enabler. In the end, a new era of urban and district development as well as its development in Indonesia in recent years gave rise to smart city programs as a concept in urban management. The trend of smart cities has grown widely and adopted many cities although there has been no mutual agreement on it. (Gil-Garcia [12]) believe that intelligence should be seen as a continuous set-in which government officials, communities, and stakeholders think about and implement initiative that observe to make cities smarter, a better place to live and work. According to (Caragliu et al. [7]) mentioned that Smart cities are if cities invest in human and social capital as well as traditional (transportation) and modern communication (ICT), infrastructure that encourages sustainable economic growth and high quality of life, with prudent management of natural resources, through governance participatory.

Smart City successful can be achieved when the city places a strong foundation against possible factors that include institutional, technological, and human governance (Angelidou [2]; Anindra et al. [3]; Chourabi et al. [8]; Gil-Garcia et al. [13]; Myeong et al. [26]; Nam & Pardo [27]). The governance component of institutions is important in Smart Cities. In addition, leadership factors are the main key to the success of smart cities. In this study will be explained related to leadership factors, public policy, government factors, and urban social. According to (Zygiaris [36]) mentioned that many regional leaders struggle with urban transformation to create healthy environmental, social, and economic conditions through the effective use of innovation with stakeholders that are aligned with the city's identity and human resources. It is also supported by the orientation of policies and strategies in smart cities, policy making towards proactive and impactful policies both locally and globally as well as interpreting social inclusiveness, economic growth, and sustainability with new managerial paradigms at all levels of decision making (Visvizi

et al. [35]). The revolution of government towards E-Government in the past has brought significant changes to the electronic management of the region so that it is only developed and adjusted. Ultimately E-Government where these studies have investigated how new technologies can be used to strengthen the quality and effectiveness of government (Benjamin & Danziger [5]; Gil-Garcia [8]; Hoetker & Fountain [18]; Meijer & Bolívar [25]). Stakeholder interaction between departments will provide greater opportunities for resources and integrated coordination (Conduit & Mavondo [10]). Another important thing is that smart cities will evolve and lead to community-centered technologies with the goal of being resilience and sustainable urban development (Marsal-Llacuna & Segal [23]).

The supporting factors of this smart city are close to what Semarang City has done in the implementation of smart cities. Where the concept of participatory governance is echoed in the slogan "Moving Together" by inviting regional development stakeholders namely 4 P (Government, Entrepreneurs, Residents and Journalists) to participate in the city's development to realize the desire to "Build a Commonly Owned City". Therefore, Semarang Smart City as delivered by (Albino [1]; Barrionuevo et al. [4]) applied all available technologies and resources in a smart and coordinated way to develop urban centers that are at once integrated, livable, and sustainable. Through various programs both ICT-based and non-ICT. The concept of Smart City rolled out by the Mayor of Semarang City is quite unique, because it uses various ways or methods that are compiled and its realization invites all urban development stakeholders from the neighborhood level (convinced to build a commonly owned city) to the international realm (large-scale program) through the slogan "Moving Together".

The uniqueness of Semarang Smart City is the character of smart city cases that have faster stages and development processes in implementing themselves as smart cities. Therefore, it is certain that each

region determines programs and activities in solving the strategic issues of the city in different ways, if the challenges and problems of different regions will also give rise to the concept of smart cities that are different based on the situation and conditions of each region. Even then not necessarily all regions in resolving regional strategic issues by using smart cities concept. This can be understood because the concept of smart cities in Indonesia that can be a guideline for all regions does not yet exist and the concept of big cities in the world is also different. Related to this, this study will review and analyze to introduce the right concept of smart city governance in Semarang City so that it can be used as a concept to answer various things related to smart city governance comprehensively.

II. Research method

The research method used in is a qualitative research approach. According to (Collector & Module [9]; Sugiyono [9]) explained that in qualitative methods are also the same basically, meaning data is also a source of theory that explains phenomena that are then developed also in research during its work collecting data. The Consideration of using qualitative research methods is to get an in-depth illustration of the phenomenon or problems that actually occur in this research. The data used is primary and secondary data. As for the data collection methods used in the study are as follows: interviews, observations and FGD. The technique used in the selection of research informants is the *purposeful sampling* technique, in which the informant is determined intentionally and selected on the basis of certain considerations. The considerations used to establish informants are the phenomena to be observed and the informant's understanding of the governance of Semarang Smart City. Informants comprise stakeholders of Semarang's Smart City development. In this research will be held a step of interview activities with internal and external government parties, stakeholders, academics, practitioners / experts. The analytical tools used are *Comparative Before and After*

analysis as well as descriptive analysis / Explanatory (McNabb [24]).

III. Result and discussion

The challenges of increasingly broad and competitive local government, positioning *good governance* are the build upon of all cities in various countries. This is evidenced by the increasing number of governments able to creating breakthrough innovations through the concept of smart cities. Along with the times, various cities also do not desire to left behind in developing various facilities relate on community service. The results of the study in detail in order to achieve the expected research objectives. The research results in this chapter contain of Semarang Smart City governance before and after it was declared, they are classified on Semarang Smart City analysis used for the completion of urban strategic issues as well as the analysis factors that support the governance of Semarang Smart City in the period 2013–2020 which will be outlined following the formation of smart governance concepts in the future.

3.1 The History of Semarang Smart City

The history of Smart Cities begins from the situation of urban conditions whose problems are increasingly complex and heterogeneous. One of the causes is the increasing number of residents in urban areas that have implications for government services. The Rapid and growing urbanization is one of the phenomena in the urban era. The motivation of cities to pursue smart city visions are multifarious. The vision of Smart Cities is rapidly evolving as it need to create a city that can be a place to live, work, study and play comfortably, safely, and sustainably. This is because each city has its own set of problems that run the whole from infrastructure to community necessity that wish to be addressed. At the same time, the emergence of new information and communication technologies enables increased democratization of people's production capacity and empowers communities to participate in the dynamics of urban development innovation through the concept of smart cities.

– **Before the Semarang Smart City Declaration**

One of city in Indonesia that has implemented the concept of smart cities is Semarang City. In 2013, the concept of smart cities was first declared in Semarang City under the leadership of Semarang Mayor named Mr. Hendrar Prihadi. Before the declaration of Semarang Smart City in 2013, Semarang City Government already had a Masterplan Information Technology (MPIT) in 2010–2015. In the MPIT, the master plan presented consists of plans: Applications, Infrastructure and Human Resources, in which it is explained about the problem of ICT conditions existing five years and solutions formulated to solve the problem of governance from the ICT side. It proves that before the declaration in 2013, Semarang City Government had started preparing plans for a smart city. But the plan has not led to various dimensions of smart cities, because only in the smart government dimensions and ICT-based smart city support things that have been implemented.

Various things about public services that must be provided as the necessity of urban communities become various challenges, such as: government services, education, health, settlements, transportation,

security and other social problems. These problems cannot be solved quickly and precisely if they still use conventional solutions. Urban conditions that existed at that time gave the need for collaboration of urban ecosystems into the concept of “*Be Smart City*”. In this concept, all regional development interests are involved to create the city transform to be better.

– **After The Semarang Smart City Declaration**

Starting in 2013, Semarang City has declared the Concept of Semarang Smart City under the leadership Mayor named Mr. Hendrar Prihadi. In 2017, Semarang City became one of the first 25 districts / cities to be selected to participate in the Movement Towards 100 *Smart Cities* to encourage the creation of 100 smart cities in 2019. The concept of smart cities in Semarang City has experienced its development annually and will still continue to grow. Smart City development in Semarang city was done after the declaration in 2013. But before the declaration from 2003 to 2013, Semarang City had made development phases towards smart cities or so-called in the transition period from *E-Government* to *E-Government* and *Digital Government Service*.

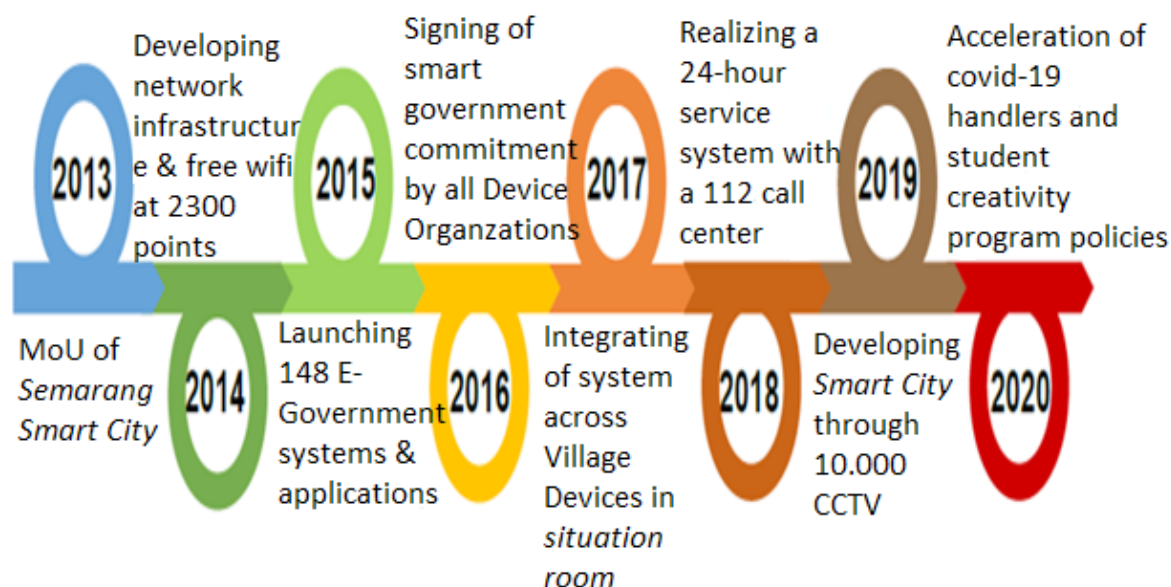

Figure 1. Timeline of Semarang Smart City Implementation

In contrast to the conditions in previous years, after entering the beginning of 2020 precisely starting from March there are several conditions and changes that are felt, namely corona virus transmission and the enactment of policies by Semarang City Government in dealing with COVID-19 pandemic. If looking at the case of COVID-19 pandemic from the regional resilience framework, the leadership and institutional dimensions have a very important role in handling the pandemic. Every step and all forms of pandemic management require adequate leadership and institutional involvement, because without it all countermeasures become ineffective. Therefore, Semarang City Government prepares an institutional structure that is very important for the handling of pandemics.

Based on the description conditions before and after the declaration can be observed that these declarations of smart cities present many differences, especially in the use of ICT in the industrial revolution from 4.0 to 5.0. The differences show that the conditions for the implementation of development are much better after the declaration of smart cities.

3.2 Implementation of Semarang Smart City in The Last Five Years

Policy implementation becomes a very important stage in the policy structure, because through this procedure the policy process, especially smart city policies as a whole can be influenced by the success rate or not achievement of goals. According to (Van den Bergh et al. [33]) mentioned that the view that smart cities become a typical phenomenon discussed in local government agencies and municipal associations. Currently, Semarang City has a Semarang Smart City Policy contained in Semarang Mayor's Regulation No. 26 in 2018 on Semarang Smart City Masterplan, the policy refers to Long-Term National Development Plan abbreviated as RPJPD in the period 2005–2025 and RPJMD in the period 2016–2021. The priority policy in RPJMD was completed with Semarang Smart City Master Plan. In essence, Semarang Smart City is a derivative of the

implementation program from Regional Long Term Development Plan abbreviated as RPJMD Semarang City in 2016–2021 where each RPJMD mission is lowered into RPJMD strategies.

The target of Semarang Smart City so far has been in accordance with the achievements of Semarang City RPJMD in 2016–2021 and Masterplan of Semarang Smart City. These Programs related to smart city innovation will continue to be carried out by Semarang City Government until it reaches the sustainable Semarang Smart City. This is in line with (Nam & Pardo [27]) opinion that smart cities connote representing urban innovation in public policy and city management as well as technology in their region. A smart city is not as a status of how smart a city is but as an attempt by a city to make itself smart. In the end, Semarang Smart City policy contained in Semarang Mayor's Regulation No. 26 in 2018 is also adjusted by looking at the condition of urban characteristics or local wisdom of Semarang City.

Urban development, especially in Semarang City continues to grow and develop continuously. This is triggered by the increasing rate of urbanization. A number of major cities in Indonesia including Semarang City face challenges and strategic issues that include a high percentage of people living in slums, expansion and dominance of the informal sector, lack of basic urban services (especially water, sanitation, and energy), unplanned suburban expansion, socio-political conflicts over land, vulnerability to high natural disasters, and the city's poor mobility system. To be able to act as a trigger for economic and social development, A city must be able to handle these challenges through good and effective urban planning as well as governance. Today, many developing countries do not yet have good urban planning and design strategies. Urban structuring practices tend to be inadequate to address endemic and expansive challenges, therefore governments should have adequate capabilities to facilitate agreements between citizens now and in the future.

In the face of the future challenges, smart cities have to be able to solve all aspects of strategic issues

and problems within their cities. This is reinforced by urban theory according to (Marot [22]) mentioned that in urban studies it covers almost all aspects that may come from urban experiences. Smart city initiatives are expected to solve all issues of urban problems and community necessity in this region.

Based on the problem related by the adjustment of regional conditions, global, national and regional issues, the strategic issues of Semarang City can be classified into 10 Mayor Priority Programs, such as follows:

- 1) Bureaucratic Reform Index;
- 2) Poverty Rate;
- 3) Open Unemployment Rate;
- 4.) Contribution of trade and services to the Gross Regional Domestic Product;
- 5.) Investment Value;
- 6.) Contribution of Processing Industry category to Gross Regional Domestic Product;
- 7.) Human Development Index;
- 8.) Percentage of flooded and rob areas;
- 9.) The rate of economic growth;
- 10.) Gender Development Index.

Based on the mayor's priority program above to overcome the dynamics of urban issues and develop solutions to urban problems. This is what encourages Semarang City Government every year to create smart city innovations as well as producing an urban environment that supports community's lives. This is supported by the statement from (Turgel et al. [32]), the concept of smart cities can overcome the crisis situation and take the urban environment to a new stage of development. One of them is creating a city governance management system and several services as well as elements into an integrated digital city ecosystem that fulfill the city community's necessity, businesses, authorities, and ever-evolving environmental conditions.

3.3 Those Factors Management of Semarang Smart City Governance 2013–2020

Genuinely, the concept of smart cities is also able to apply human resources, social capital, and modern telecommunication infrastructure to realize sustain-

able economic growth and high quality of life, together with prudent resource management through community participation-based governance. So that the concept of smart cities can be understood through a framework or scope that is influenced by several factors. In this sub-chapter will be explained the factors that support the inclusion of smart cities formed based on the thinking of the author. These factors include leadership factors, public policy factors, government factors (development relations and E-Gov / Electronic-Based Government System), urban social factors (social community, stakeholder interaction, religious aspects).

– Leadership

The Perceptions regarding smart cities need to understand the condition and situation of smart cities. Therefore, the condition of the city is very complex from developing the city itself so that from the complement we can see how to build a development ecosystem that will determine whether smart urban planning programs able to succeed or not. By paying attention to complexity, one of the keys can be seen from leadership.

At the time of the leadership of Semarang Mayor named Mr. Hendrar Prihadi has solved some critical problems in Semarang City. He also often makes direct visits to the field to observe the condition of existing problems. But it needs to be further understood environmental policies has to be more effective and responsive to the community, and directly addressed. This is in line with the research conveyed by (Zygiaris [36]) that many regional leaders are struggling with urban transformation to create healthy environmental, social, and economic conditions through the effective use of innovation with stakeholders that align with the city's identity and human resources. Thus, the way of solving urban problems carried out by the Mayor of Semarang City will be improved by using information technology as a solution. This is in line with (Giltinane [14]) in Leadership Theory the need to understand leadership styles able to help to be more effective in leader

roles, requiring collaboration with or management of others as well as considering leadership thinking and practice by identifying strengths and weaknesses. Therefore, as a regional leader, it is necessary to create a new order concept (post-pandemic) in the future as a form of mitigation efforts that are carried out quickly and appropriately so that the city is able to survive pandemic conditions and immediately get out of the crisis.

– **Public Policy**

Public policy is part of the government's system. Implementation of public policy will be effective when measures and objectives can be understood by individuals responsible for policy performance. So far, the public policy rolled out in Semarang Smart City has been in accordance with the direction of smart cities although not all are in accordance with community expectations. In the future, the policies of Semarang smart city programs must be able to answer the targets and program itself come from smart city implementation policies and implemented by all parties including the community rationally.

COVID-19 pandemic is a challenge for local governments, especially the Semarang City Government which is facing its effects from the COVID-19 pandemic. In an effort to deal with COVID-19 in Semarang City, The Government issued a policy to suppress the spread or transmission of COVID-19 in the people of Semarang City. This policy factor able to roll out new factors in the form of policies related to the concept of a new order (post-pandemic). The policy in question is Restriction of Community Activities (PKM). Conceptually, PKM is different from Large-Scale Social Restrictions (PSBB) especially in terms of leniency in activities. Some types of restrictions include school activities, office activities, activities in public places, religious activities, socio-cultural activities, and the use of public transportation. This is because the people of Semarang city have different characteristics with areas such as DKI Jakarta that apply PSBB, especially from the characteristics of its people. Not all residents of Semarang city have enough

savings (either money or food) to survive if policies such as PSBB to lockdown even applied in Semarang City. Given that this pandemic caused a fairly severe shock for the community and the region, so the selection of the right policies will help the region increase its resilience in facing pandemic.

It cannot be denied that the COVID-19 pandemic and its effects will also be accommodated as a renewal of dynamics process of formulating government policies. The policy formulation created by Semarang City Government is in line with the statement from (Visvizi et al. [35]) conveyed that in the orientation of policies and strategies in smart cities, policy making towards proactive and impactful policies both locally and globally as well as interprets social inclusiveness, economic growth, and sustainability with new managerial paradigms at all levels of decision-making. Therefore, if public policy is carried out optimally the impact is very good for the development of Semarang City as the community able to access all development information, increase efficiency, effectiveness and performance and community participation are increasing.

– **E-Government/ Electronic-Based Government System**

Along with the era of the Industrial Revolution 4.0 surely information and communication technology (ICT) becomes something that has to be implemented so that public services and government management in Semarang City Government are not left behind or involved in the progress's era. The implementation of Electronic-Based Government System (SPBE) will affect the readiness of various things that should be done, both the readiness of the Government and its people. According to (Indrajit [19]) conveyed that *E-Government* as a new interaction mechanism between the government and the public as well as other interested circles, involving the use of information technology (especially the internet) with the aim of improving the services quality. So that *E-Government* becomes the implementation of electronic-based government to improve the

quality of public services efficiently, effectively and interactively.

With regard to the definition of Electronic-Based Government System (SPBE) Application which is one or a set of computer programs and procedures designed to perform the duties or functions of SPBE Services, Semarang City Government has also distinguished applications in two parts. The first is that the general application is the same SPBE Application, standard, and used for use by the Ministry / Central Government Agency and the Provincial Government with the Semarang City Government. Second, special applications are SPBE applications that are built, developed, used, and managed by Semarang City Government to fulfill special necessity that are not other agency needs. But for its implementation, the integration of Electronic-Based Government System (SPBE) application development in Semarang city government is coordinated by the Communication, Information and Communication Office of Semarang City. More than 400 applications have been owned by the Semarang City Government with the main domain on the (www.semarangkota.go.id) and all regional device organizations that make applications, all of which are installed on the Semarang City Government Portal. This portal has services with 4 languages (Indonesian, Javanese, Chinese, English).

Basically, the delivery of public information services related to data integration in Semarang City has been listed in Semarang Mayor Regulation No. 11 in 2020 concerning the Implementation of One Semarang City Data. This is indicated by the existence of "*Semar Satata*" as a one-data system which is a seriousness form of the Semarang City Government in carrying out the data integration process. One Semarang City Data becomes the government's data governance policy to produce accurate, up-to-date, integrated, and accountable data, as well as easily accessible and shared between central agencies, regional devices through the fulfillment of data standards, metadata, data interoperability, by using reference codes and master file.

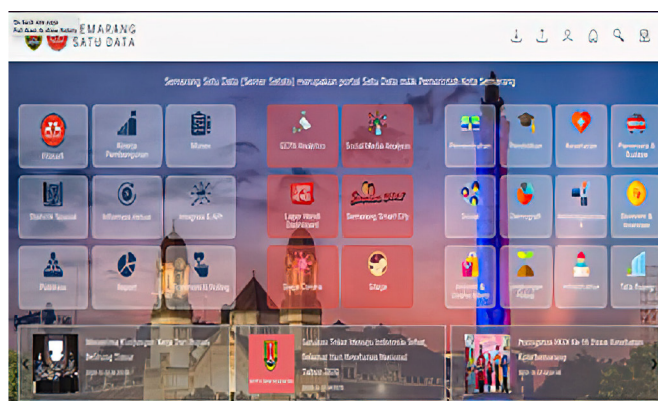

Figure 2. Portal one data Semarang City

– Institutional Relation

Smart city institutions will oversee the sustainability of development programs that have been initiated by local governments. This institution falls into the dimension of government, where support from the government and policies for government is needed as the basis of the design and implementation of smart cities. The institutional structure of this smart city is to conduct analysts, integrators, evaluators, and align information technology relationships along with governance (Oktaviyani & Nugraha [28]).

In order to control Semarang Smart City has been formed Development Team with the involvement of Semarang City development stakeholders (Penta helix). All Semarang City Government (OPD) organizations will take an important role in the development of Semarang Smart City. It is understood that the concept of strengthening development, re-setting development and field development should be carried out by policymakers. The biggest challenge of all operationalization is the coordination, integration, synergy and collaboration of all urban development stakeholders.

The relationship between development is one of the factors that support the implementation of smart city governance. This is in line with the statement from (Hasibuan & Krianto Sulaiman [17]) where smart city governance will describe the structure of formal and informal relations to manage affairs

through a collaborative approach (*join-up*) between government agencies, the business world, and the community.

– **Community’s Social**

In creating a global society, competitive, as well as smart and livable cities, each region has to be set the right policies by preparing the concept of quality future city development through the concept of smart city governance. The development of smart cities in Semarang already has a concept that involves all elements of *stakeholders*, both from government, public, entrepreneurs and journalists (4P) “Moving Together” in line with the principles of *Sustainable Development Goals (SDGs)*.

– **Stakeholder Interaction**

In supporting the realization of smart cities, a collaboration is needed that gathers various stakeholders and communities. Smart city governance is expected to provide a wide innovation space to solve various problems faced by the government, society, business people, and various stakeholders. Stakeholder interaction is needed to synergize all city development policies and governance, especially in Semarang City. Stakeholder interaction able to make it easier to integrate data spread across sectors and build information throughout the city as well as sharing and exchanging information and data (Li et al. [21]). Information disclosure able to align the interests and balance of risk sharing among all parties in realizing smart cities. In the future, there will be a pattern of cross-functional relationships to create interactions between stakeholders that able to solve urban problems to harmonize smart city development policies and governance in Semarang City.

– **Religious Aspect**

Religious harmony is a very valuable capital for the survival of the entire community. This is where the importance of relations between religious people as a communicative relationship that is not only limited to religious figures but also the involvement of community leaders and government bureaucratic of-

ficials. Friction in the interests of the community is sometimes also charged with religious issues.

Various pluralism in Semarang City makes the Government facilitate by forming an interfaith forum to support work programs directed at the creation of harmonization with others towards the welfare of inner birth. The activities of the interfaith forum in Semarang City is a special attraction for interfaith relations activists in Indonesia generally. Semarang city government is very interested in localizing friction that may occur by involving various elements of society including religious figures or leaders. The role of religious leaders and community leaders is required to participate in solving this problem. To accommodate various interests related to interfaith relations and also relations between community leaders across ethnicities so is interfaith, in Semarang City there are already various forums so are community harmony.

3.4 Smart City Governance Concepts in Future

The concept of Semarang Smart City Governance is inseparable from national policies that strengthen and force local governments to realize community-oriented governance. This is what was initiated by Semarang City Government so that it needed to strengthen the management capacity as well as coordination system of integrated government implementation in and between agencies, especially in Semarang City Government. In addition, the importance of strengthening Smart City Governance policies is comprehensive and integrated. Therefore, to realize smart city concept, the governance needs to prioritize the provision of effective and efficient public services accompanied by increasing the capacity of the apparatus so as to provide excellent and optimal services to the community.

Aspects of governance able run optimally by improving public service performance, city management and the effectiveness of regional leadership strategies. The concept of smart city governance needs to prioritize the provision of effective and efficient public services accompanied by increasing the capacity apparatus so as to provide excellent and optimal ser-

vices to the community. Smart city governance is not only a technological issue alone, but also should learn smart governance as a complex process of institutional change on the vision of regional governance itself (Meijer & Bolívar [25]). Innovations linked to developing urban governance approaches that able to create cities smarter (Nam & Pardo [27]). Smart City-based development not only prioritizes efficiency and

effectiveness in bureaucracy based on information and communication technology (ICT), but also uses non-ICT-based urban infrastructure and services in building communities in areas such as economy, environment, mobility, and governance as well as other areas related to urban problems. Therefore, a smart city governance concept is needed that can be implemented in various regions.

VISSION AND MISSION	Regional Strategy Issues	Smart City Governance Factors	Smart City Dimension	Smart City Indicator	Smart City Programs / Activities	Smart City Achievement Targets
---------------------	--------------------------	-------------------------------	----------------------	----------------------	----------------------------------	--------------------------------

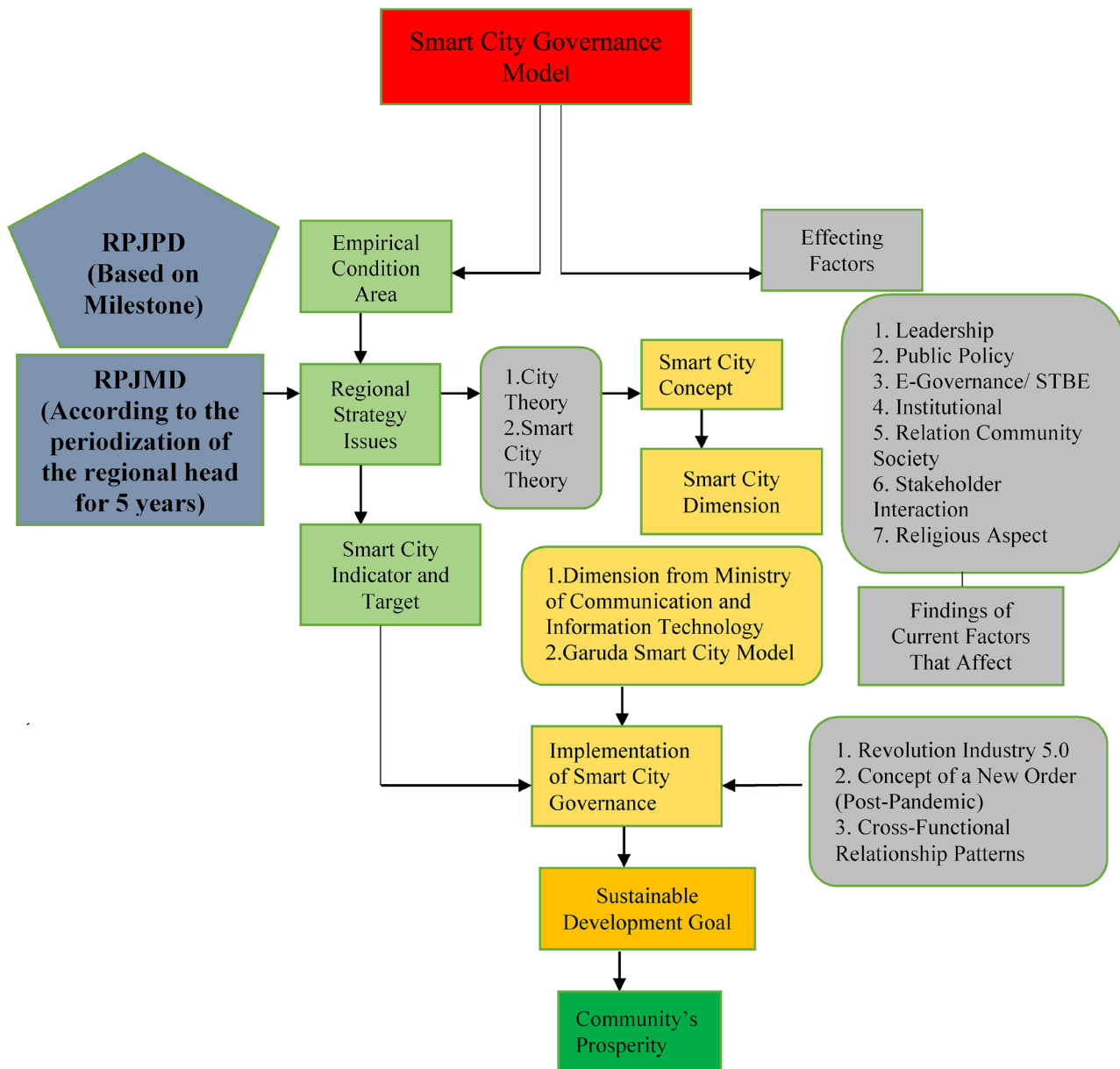

Figure 3. Smart City Governance Concept Model

The concept of smart city governance should pay attention to the empirical conditions of the area as well as factors that affect it. Regional empirical conditions are more effective at solving strategic issues of the region. The issues of the city's strategy do not need to be examined further because it is already listed in Regional Long Term Development Plan (RPJMD) and takes from the Long-Term National Development Plan (RPJPD) *milestone* results in the year concerned. In addition, strategic issues are solved with Urban Theory and Smart City Theory, so that the concept of smart cities will emerge. In the framework of smart city governance, basically strategic issues already have clear and measurable indicators and targets. The concept of smart city governance follows 2 patterns, namely from the Ministry of Communication and Information and Garuda *Smart City Model* (GSCM). Based on these 2 dimensions, the implementation of smart governance has to be based on ICT- non-ICT and pay attention to sustainable development goals. Thus, the indicators and targets of the implementation of smart city governance have the main goal of prospering their people.

The results of the current analysis conditions that give rise to new factors for the development of smart city governance in the future show that the research arguments on smart city governance conducted today are not a drop of previous theories but instead provide the implementation of theories on how to implement the desired smart city governance. Prior to the study, researchers had found 7 factors that influence smart city governance. But after seeing the current condition emerged new factors for the development of smart governance in future. Previously existing factors include leadership factors, public policy, E-Government/Integrated Electronic-Based Government System (SPBE), institutional relations, social society, stakeholder interaction and religious aspects. Finally, smart cities can bring up new factors according to current and future conditions that did not exist before, here are 3 new factors are as follows:

1) Industrial Revolution 5.0;

- 2) Concept of a New Order (post-pandemic);
- 3) Cross-Functional Relationship Patterns.

IV. Conclusion and suggestion

Semarang city in organizing a smart city program takes a specific object, namely Urban Strategic Issues. Smart Cities are used to support the resolution of urban problems that become strategic issues. Furthermore, these strategic issues are taken from the 5 (five) year development regulation document, namely from the Regional Medium Term Development Plan (RPJMD). The governance of Semarang Smart City before and after it was declared by Mayor officer in 2013 showed that there are many differences that underlie these differences. As an overview before there is a smart city concept has already a solution to urban problems that are done but the planning and completion is still partially not comprehensive as well as ICT support has not been high. The conclusion that before and after the declaration of smart cities presents many differences, especially in the use of ICT from industrial revolution 4.0 to 5.0. The differences show that the conditions for the implementation development are much better after smart cities declaration.

The factors that support the implementation of Semarang Smart City for the period 2013–2020 are formed 7 factors, namely leadership factors, public policy, E-Gov / SPEB, Institutional Relations, Social Communities, Stakeholder Interaction and Religious Aspects. From these factors give rise to new factors that can support the implementation of smart city governance in future, namely there are factors of the Industrial Revolution 5.0, The Concept of New Order (post-pandemic), Patterns of Cross-Functional Relations.

The concept of Smart City governance that can be used by local governments in Indonesia that smart city governance model from this study has accommodated factors that affect the dimensions of smart cities in future, as well as not only support smart city governance based on ICT but also non-ICT. Smart city governance model results of this research analysis can be used by all Local Governments in Indonesia, especially regencies or cities, considering that it

has combined regulations that should be fulfilled by local governments in regional development planning and various theories of urban and urban smart cities academically as well as factors that affect smart city governance. Finally, smart city governance model is not only implemented in a certain period, but also pays attention to the fulfillment of the Sustainable Development Goals (TPB) which result for the welfare of the people of an area.

This model is effective and can be run by local governments, because to implement smart city governance begins by looking at Regional Long Term Development Plan (RPJMD) that should be made by the Local Government and in accordance with the regional period head. So that synergy and synchronization with the challenges and opportunities that will be faced by the region in the next five years in solving regional strategic issues and in the leadership of regional heads whose mass vision is used as the main intake of Regional Long Term Development Plan (RPJMD) preparation.

4.1 Suggestions

a. In fulfilling the improvement of public services and the development of community demands, through smart city programs, innovations are needed to be made in accordance with global developments by regional device organizations of Semarang City which have tended to be weak compared to private or non-governmental.

b. Smart City Governance is a sustainable development program that aims to provide convenience in order to achieve the desired development targets. Therefore, the stages of smart cities should be measurable and have clear targets as well as able to fulfill the Sustainable Development Goals (SDGs), so that various indicators of smart cities should be relevant to SDGs programs. Do not let smart city programs stop just because they feel the city is smart enough.

Moreover, the key to smart city success is sustainable development.

c. In smart city governance there are major actors that should be a concern, namely Human Resources (government and community apparatus). This is because the community is the *End-User* of smart city programs and government apparatus as the main part of smart city management of human resources. Capacity building for the apparatus and the community needs to focus more attention on the readiness and implementation of smart city implementation.

d. In the framework of smart city governance, regulations are needed in accordance with local wisdom so that in its implementation there are references or guidelines that can bind all parties in smart city governance. So that all lines in an area run in the same path. It is ineffective if the smart city program runs without any regulations attached to it.

e. There are several things that can be developed in the process of developing smart cities aiming to support several dimensions of smart cities, namely:

- a) The use of various mobile applications for the ease and accessibility of information systems,
- b) Digitalization of Industry (goods and services) through cyber marketing and digital mapping guide and,
- c) Natural disaster management with an integrated emergency response system,
- d) Utilization of Solar System and renewable energy alternatives in order to be environmentally friendly and energy independent,
- e) Restrictions on the use of paper (paperless) as a form of office digital transformation and the use of digital signatures for the optimization of the signatures quantity regardless of time and place.

References:

1. Albino V. U.B.R.M.D. Smart cities: definitions, dimensions, and performance Vito Albino Umberto Berardi Rosa Maria Dangelico *. *Journal of Urban Technology*. 2015.

2. Angelidou M. Smart cities: A conjuncture of four forces. *Cities*. 2015. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2015.05.004>
3. Anindra F., Warnars H. L.H.S. & Min D. M. Smart City Implementation Modelling in Indonesia with Integration Platform Approach. *Proceedings of 2018 International Conference on Information Management and Technology, ICIMTech 2018*. URL: <https://doi.org/10.1109/ICIMTech.2018.8528141>
4. Barrionuevo J. M., Berrone P. & Ricart Costa J. E. Smart Cities, Sustainable Progress: Opportunities for Urban Development. *IESE Insight*. 2012. URL: <https://doi.org/10.15581/002.art-2152>
5. Benjamin G. & Danziger J. N. Computers and Politics: High Technology in American Local Governments. *Political Science Quarterly*. 1982. URL: <https://doi.org/10.2307/2149829>
6. Calder K. E. Singapore: Smart City, Smart State. In Singapore. 2016.
7. Caragliu A., del Bo, C. & Nijkamp P. Smart cities in Europe. *Journal of Urban Technology*. 2011. URL: <https://doi.org/10.1080/10630732.2011.601117>
8. Chourabi H., Nam T., Walker S., Gil-Garcia J.R., Mellouli S., Nahon K., Pardo T. A. & Scholl H. J. Understanding smart cities: An integrative framework. *Proceedings of the Annual Hawaii International Conference on System Sciences*. 2012. URL: <https://doi.org/10.1109/HICSS.2012.615>
9. Collector D. & Module F. G. Qualitative Research Methods Overview. *Qualitative Research Methods A Data Collectors Field Guide*. 2011. URL: <https://doi.org/10.2307/3172595>
10. Conduit J. & Mavondo F. T. How critical is internal customer orientation to market orientation? *Journal of Business Research*. 2001. URL: [https://doi.org/10.1016/S0148-2963\(99\)00044-2](https://doi.org/10.1016/S0148-2963(99)00044-2)
11. Giffinger R., Fertner C., Kramar H. & Meijers E. City-ranking of European medium-sized cities. In *Centre of Regional Science, Vienna UT*. 2007.
12. Gil-Garcia J. R. Enacting Electronic Government Success (Recurso electrónico): An Integrative Study of Government-wide Websites, Organizational Capabilities, and Institutions. In *Springer eBooks*. 2012.
13. Gil-Garcia J.R., Pardo T.A. & Nam T. What makes a city smart? Identifying core components and proposing an integrative and comprehensive conceptualization. *Information Polity*. 2015. URL: <https://doi.org/10.3233/IP-150354>
14. Giltinane C. L. 6 Leadership Theories for Career Growth. *Indeed Career Guide*. 2020.
15. Hall R. E., Bowerman B., Braverman J., Taylor J. & Todosow H. The vision of a smart city. *2nd International Life ...* 2000.
16. Hara M., Nagao T., Hanno S. & Nakamura J. New key performance indicators for a smart sustainable city. *Sustainability (Switzerland)*. 2016. URL: <https://doi.org/10.3390/su8030206>
17. Hasibuan A. & Krianto Sulaiman O. Smart City, Konsep Kota Cerdas Sebagai Alternatif Penyelesaian Masalah Perkotaan Kabupaten/Kota, Di Kota-Kota Besar Provinsi Sumatera Utara. In *Cetak) Buletin Utama Teknik*. 2019.
18. Hoetker G. & Fountain J. E. Building the Virtual State: Information Technology and Institutional Change. *The Academy of Management Review*. 2002. URL: <https://doi.org/10.2307/4134407>
19. Indrajit R. E. Membangun Aplikasi E-Government. *PT Elek Media Komputindo*. 2002.
20. Lazaroiu G. C. & Roscia M. Definition methodology for the smart cities model. *Energy*. 2012. URL: <https://doi.org/10.1016/j.energy.2012.09.028>
21. Li C., Liu X., Dai Z. & Zhao Z. Smart City: A shareable framework and its applications in China. *Sustainability (Switzerland)*. 2019. URL: <https://doi.org/10.3390/su11164346>

22. Marot B. (2016). Harding, A., Blokland, T. (2014). *Urban Theory: A critical introduction to power, cities, and urbanism in the 21st century*. Métropoles. URL: <https://doi.org/10.4000/metropoles.5296>
23. Marsal-Llacuna M.L. & Segal M. E. The Intelligent Method (II) for “smarter” urban policy-making and regulation drafting. *Cities*. 2017. URL: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2016.05.006>
24. McNabb D. E. *Research Methods in Public Administration and Nonprofit Management: Quantitative and Qualitative Approaches*. 3A.E. Sharpe. 2017.
25. Meijer A. & Bolívar M.P.R. Governing the smart city: a review of the literature on smart urban governance. *International Review of Administrative Sciences*. 2016. URL: <https://doi.org/10.1177/0020852314564308>
26. Myeong S., Jung Y. & Lee E. A study on determinant factors in smart city development: An analytic hierarchy process analysis. *Sustainability (Switzerland)*. 2018. URL: <https://doi.org/10.3390/su10082606>
27. Nam T. & Pardo T.A. Conceptualizing smart city with dimensions of technology, people, and institutions. *ACM International Conference Proceeding Series*. 2011. URL: <https://doi.org/10.1145/2037556.2037602>
28. Oktaviyani W. & Nugraha J. T. Inovasi Pemerintah Daerah Dalam Pelaksanaan Program Smart City di Kota Magelang (Studi Kasus Bappeda Kota Magelang). *Jurnal Mahasiswa Administrasi Negara (JMAN)*. 2018.
29. Peraturan Pemerintah (PP) Nomor 28 Tahun 2018, 33 (2018). URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/85646/pp-no-28-tahun-2018>
30. Pratama A. B. Smart city narrative in Indonesia: Comparing policy documents in four cities. *Public Administration Issues*. 2018. URL: <https://doi.org/10.17323/1999-5431-2018-0-6-65-83>
31. Sugiyono. *Research Methods Quantitative, Qualitative, and R&D*. In Bandung: Alfabeta. 2016. URL: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107415324.004>
32. Turgel I., Bozhko L., Ulyanova E. & Khabdullin A. Implementation of the Smart City Technology for Environmental Protection Management of Cities: The Experience of Russia and Kazakhstan. *Environmental and Climate Technologies*. 2019. URL: <https://doi.org/10.2478/rtuect-2019-0061>
33. Van den Bergh J., Danneels L., Viaene S., Bergh J. Van Den Danneels L. & Viane S. Raising the Bar for Smart City Ecosystems. *International Conference for EDemocracy and Open Government (CeDem)* Location: Krems (Austria). 2017.
34. Veselitskaya N., Karasev O. & Beloshitskiy A. Drivers and barriers for smart cities development. *Theoretical and Empirical Researches in Urban Management*. 2019.
35. Visvizi A., Lytras M. D., Damiani E. & Mathkour H. Policy making for smart cities: innovation and social inclusive economic growth for sustainability. *Journal of Science and Technology Policy Management*. 2018. URL: <https://doi.org/10.1108/jstpm-07-2018-079>
36. Zygiaris S. Smart City Reference Model: Assisting Planners to Conceptualize the Building of Smart City Innovation Ecosystems. *Journal of the Knowledge Economy*. 2013. URL: <https://doi.org/10.1007/s13132-012-0089-4>

Section 2. Study of art

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-19-26>

*Davidenko Lilia,
Honored Artist of Ukraine,
Lecturer at the Department of of solo singing,
Odessa National Music Academy
named after A. V. Nezhdanova, Ukraine
E-mail: davidenkolilia01@gmail.com*

“NERON” by A. RUBINSTEIN IN THE CONTEXT OF INTERACTIONS OF THE POETICS OF THE RUSSIAN AND FRENCH MUSIC THEATER

Abstract. The article focuses on the genre and intonation-dramatic specifics of A. Rubinstein’s opera “Nero”, which was created at the intersection of the spiritual, aesthetic and ethical quests of the European musical theater of the middle and second half of the 19th century.

Keywords: A. Rubinstein’s opera heritage, A. Rubinstein’s “Nero”, Russian musical theater of the 19th century, “grand” French opera, “spiritual opera”.

*Давиденко Лилия,
Заслуженная артистка Украины,
преподаватель кафедры сольного пения
Одесской национальной музыкальной академии
имени А. В. Неждановой, Украина
E-mail: davidenkolilia01@gmail.com*

«НЕРОН» А. РУБИНШТЕЙНА В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПОЭТИКИ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

Аннотация. В статье сосредоточено внимание на жанровой и интонационно-драматургической специфике оперы А. Рубинштейна «Нерон», создававшейся на пересечении духовно-эстетических и этических исканий европейского музыкального театра середины и второй половины XIX века.

Ключевые слова: оперное наследие А. Рубинштейна, «Нерон» А. Рубинштейна, русский музыкальный театр XIX века, «большая» французская опера, «духовная опера».

А. Рубинштейн – одна из ярких фигур художественной жизни России второй половины XIX века. По мнению А. Скирдовой, «именно в разносторонности (его таланта) кроется удивительный парадокс, поскольку в течение длительного времени складывалось устойчивое представление о Рубинштейне, во-первых, как о выдающемся деятеле в области музыкального образования, стараниями которого было основано Российское музыкальное общество и Петербургская консерватория; во-вторых, как о крупнейшем пианисте XIX века, одном из основателей отечественной исполнительской школы». Однако постоянно оставалась в тени именно та сфера деятельности, которую он считал для себя основной – композиторское творчество: «Моя идея выступать не как пианист, разыгрывающий оперные фантазии, а как композитор, исполняющий свои симфонии, концерты, оперы, трио и т.д.» [16, 3]. Весомую часть разнообразного композиторского наследия А. Рубинштейна составляют музыкально-сценические жанры, среди которых, наряду с широко известной оперой «Демон», особое место принадлежит «Нерону». Востребованность многих ее номеров в современной вокально-исполнительской практике обуславливает актуальность темы представленной статьи.

Библиография, посвященная творчеству А. Рубинштейна, достаточно разнообразна и свидетельствует о постоянном растущем интересе к его наследию. Существенную информацию о жизни, творчестве и артистическом пути композитора находим в работах Л. Баренбойма [1], И. Глебова [2], Л. Корабельниковой [10], в материалах последнего издания «Истории русской музыки» [9], а также в публикациях его литературного наследия [13; 14]. Последние десятилетия отмечены появлением научных исследований Т. Зимы [5], Л. Серебряковой [15], А. Зинкевич [6; 7; 8]. Исследование А. Скирдовой [16] непосредственно обращено к оперному наследию А. Рубинштейна, но оно касается лишь его лирической жанровой

сферы, в то время как другие образцы музыкального театра композитора, в том числе и «Нерон», не стали предметом исследовательского внимания диссертантки.

Цель работы – выявление поэтико-интонационных особенностей «Нерона» А. Рубинштейна в контексте воплощения в нем синтеза традиций русского музыкального театра и «большой» французской оперы.

Значимость и влияние творческой природы А. Рубинштейна были обусловлены сочетанием в нем гениального пианиста, талантливого организатора музыкальной жизни и музыкального образования, плодотворного композитора, работавшего в разных жанрах и создавшего ряд прекрасных произведений, сохраняющих эстетическую ценность и поныне. Все эти стороны творческой деятельности музыканта тесно взаимосвязаны показательной для них просветительской направленностью, обуславливающей репертуар, стиль и формы его пианистической и дирижерской деятельности, и выработку основ русской музыкальной педагогики и композиторское творчество. Тем не менее в представленной выше библиографии менее освещенными все же остаются общеевропейские корни и аспекты его просвещения, имеющие непосредственное отношение к его деятельности как композитора. По мнению Л. Корабельниковой, «идея вхождения русской музыкальной культуры и всех ее составляющих, в том числе композиторского творчества, в семью европейских культур, – идея, трактованная многими его современниками как космополитическая, ненациональная и даже антинациональная, имела глубокие основания и корни. И здесь важен не масштаб личностей художников, но тенденции. Тема включенности русской музыки в общеевропейский процесс осталась актуальной в размышлениях и переписке наследников Рубинштейна – Чайковского и Танеева» [10].

Композиторское наследие А. Рубинштейна огромно. Интерес к «вечным образам» мировой

культуры, связанным с поисками смысла жизни и ее духовных ориентиров в определенной степени обуславливает не только попытки создания композитором в зрелый период творчества «духовной оперы-оратории», но и обращение А. Рубинштейна к типологии лирической оперы в русской ипостаси, а также к поэтике «большой» французской оперы, определяющий «тезис» которой в большинстве образцов выстраивается вокруг идеи духовно-религиозного противостояния. Последнее определяет парадигматику «Нерона» А. Рубинштейна, которая апеллирует к антитезам языческого мира Древнего Рима и раннего христианства (см. ниже).

При всем жанровом разнообразии творческого наследия А. Рубинштейна опера занимает в нем важнейшее место, охватывая по времени создания практически всю вторую половину XIX века и популярные в эту эпоху музыкально-театральные жанры: лирическая («Фераморс», 1862; «Демон», 1871), комическая («Среди разбойников», 1883, «Попугай», 1884), «большая» опера («Нерон», 1876, написанный для парижской Grand Opera; чертами «большой» оперы отмечены и такие произведения, как «Купец» Калашников», 1879 и «Маккавей», 1884) и др. [см.: 6; 7; 8; 16]. Однако именно «Дети степей», «Фераморс», «Демон» и «Нерон» обрели популярность на русской оперной сцене XIX в. и одновременно символизировали дальнейшие пути ее развития. Е. Зинькевич определяет вклад композитора следующим образом: «Рубинштейн предсказывал, прогнозировал, сеял семена будущего. Не случайно он так любил называть себя землепашцем. Поэтому нельзя согласиться с Асафьевым, который отнес Рубинштейна к “параллельным течениям”. Творчество Рубинштейна не сопутствующая, а составляющая и очень важная часть оперного процесса в России. Он формировал то “холмогорье” русской культуры, опираясь на которое она смогла возвести свои вершины» [8, 22].

Отметим также, что жанрово-стилевое разнообразие образцов оперного жанра приводит А. Рубинштейна уже в конце 60-х годов XIX в. к идее о необходимости «организации театра духовной оперы» [1, 55] с соответствующей декларацией его концепции не только в композиторских опусах, но и в литературно-теоретических обобщениях. О его востребованности, по мнению А. Рубинштейна, свидетельствует не только специфика русской оперы середины XIX в., но и западноевропейской, поскольку, «когда готовится для человечества *что-то великое*, сущность его словно витает над людьми» [1, 55]. Речь идет в данном случае не о перенесении библейских сюжетов на оперную сцену, а о создании «особого художественного жанра, который должен найти место в специально для него построенных театрах», то есть о «духовной опере». Среди важнейших музыкально-выразительных и интонационно-драматургических составляющих подобного жанра композитор выделяет «широкие формы композиции», «полифонические разработки» и «возвышенные декламации» [1, 56]. Даная идея не была полностью реализована, но нашла свое воплощение в замыслах таких произведений А. Рубинштейна, как «Вавилонское столпотворение», «Суламифь и Соломон», «Иов», «Каин и Авель», оратория «Христос», «Маккавей» и др.

Подобного рода «проект», ориентированный на доминантную роль мистериально-духовного и мифологического факторов, вызывает также некоторые аналогии с вагнеровским театром, хотя, как известно, А. Рубинштейн не был его поклонником. Значимость идей «духовной оперы» в определенной степени отразилась и на других музыкально-театральных опусах композитора, в том числе на базовой драматургической идее «Нерона», ориентированной на духовное противостояние языческого Рима и раннехристианского сообщества.

Опера «Нерон» А. Рубинштейна создавалась в течение 1875–1876 годов по заказу директора парижского театра Гранд-Опера Эмиля Перре-

на. Сценическая премьера состоялась 1 октября 1879 года в городской опере Гамбурга. В России ее премьера прошла в Мариинском театре 10 февраля 1884 года. Танцевальные сцены 2 акта были поставлены Мариусом Петипа [см.: 11; 12]. Текстовой основой оперы является либретто Ж. Барбье – известного французского литератора, драматурга и либретиста середины XIX в. Деятельность данного автора была связана, как и творчество Э. Скриба, именно с жанровой спецификой «большой» французской оперы [см.: 18, 323].

Сюжетной основой либретто «Нерона» стал эпизод из истории Древнего Рима, связанный с именем одного из одиозных его императоров [см.: 4]. Парадоксальность его личности, равно как и его эпохи, также во многом была обусловлена широким спектром религиозных учений, существовавших в тот период (митраизм, аполлонизм, восточные религиозные культы, христианство и др.). Политические заговоры, отстаивание собственной властной имперской позиции (вплоть до убийства собственной жены и матери, философа Сенеки, гонения на христиан и др.), религиозные раздоры, а также мятежи в римских провинциях (в частности галльский мятеж под предводительством Виндекса) – все это в совокупности составило довольно пеструю и трагико-драматическую картину правления Нерона, личность и эпоха которого составят позже базис не только для исследований историков, но и творчества литераторов, драматургов.

Ж. Барбье и А. Рубинштейн, наследуя «клише» европейской театральной традиции Нового времени, также воспроизводят обобщенный образ этого императора как безжалостного тирана и его эпохи, ориентируясь на «каноны» «большой» французской оперы. Этот жанр представлял собой «оригинальное зрелище, поражавшее зрителя-слушателя, с одной стороны, тяготением к исторической достоверности. С другой стороны, эта историческая конкретика, подкреплявшаяся большим количеством массовых сцен, иногда

предполагавших дефляцию более двухсот статистов, конницы и т.д., взаимодействовала с духовной концепцией подобных произведений, определяющей целью которых было не развлечение, а духовно-нравственное просвещение современников, соответствующее также задачам мистериального театра» [19, 8]. Обращение авторов «Нерона» к поэтике данного жанра обусловлено как «парижским заказом», так и масштабами произведения, включающего четыре акта. По мнению Ю. Энгеля, «композитор вместо “большой” оперы написал “большущую”» [20, 236].

Авторы оперы апеллируют к историческому сюжету с большим количеством действующих лиц при одновременном отсутствии ярких музыкальных характеристик героев, замененных их ситуативным показом (в традициях «большой» оперы). Определяющую роль в опере играет духовно-религиозный конфликт, раскрываемый через противопоставление развращенного языческого мира Нерона, его окружения и духовно возвышенного образа христиан. Драматизм обозначенного конфликта в произведении усилен тираноборческими мотивами, а также драмой любви Кризы и Виндекса, вписанной в исторический фон эпохи правления Нерона.

По мнению Е. Зинькевич, «опера многофигурна (24 действующих лица, не считая многочисленных участников массовых сцен), зрелищна, со многими сценическими эффектами (пиры, заговоры, похищения, казни, убийства (9 трупов), пожар Рима, явления призраков и т.д.), перенасыщена событиями, о которых узнаем из рассказов действующих лиц, с большим количеством хоров, балетов, масштабными ансамблями». Выявляя далее новаторский подход А. Рубинштейна в воплощении типологии «большой» французской оперы, исследователь отмечает «мощь экспрессии» в сцене римского пожара (финал III действия), где «главную роль играет оркестр (воссоздающий образ пламени), сцену в мавзолее Августа на фоне грозы (IV действие, видение Нерону призраков

его жертв). Новаторским для русской оперной драматургии было решение 13-й сцены II действия, воспроизводящей жизнь римской улицы – с толпой горожан, иностранцев, мальчиков, продавцов, заговорщиков, христиан, выступлением гистрионов» [7, 135].

Обозначенная жанрово-драматургическая специфика «Нерона» А. Рубинштейна определила особенности его музыкального языка и принципы характеристики героев. В опере нет лейтмотивов, однако есть две темы-реминисценции (тема «триумфа Нерона» и молитва христиан), выражающие сущность драматургического конфликта оперы. Они составляют интонационную основу *Увертюры* и определяют музыкальный язык кульминационных разделов «Нерона». Первая тема, открывающая увертюру, связана с триумфом Нерона. Композитор апеллирует к «глориозному» D-dur, аккордовой фактуре, яркой динамике, доминированию тембральности медных духовых инструментов и типичным для них фанфарным оборотам с пунктирной ритмикой. Отметим, что данный тематизм представлен во второй раз в грандиозной массовой сцене второй картины II действия. Согласно авторским ремаркам, здесь «в торжественном шествии движутся жрецы, весталки, консулы, трибуны, пленные в цепях, дикие звери в клетках, черные рабы, и, наконец, на колеснице, окруженной ликторами, сам Нерон, за ним на украшенных носилках Агрипина...».

Тема «триумфа» репрезентирована главным образом в оркестровой партии. Если в увертюре она была представлена в четырехдольном метре, сопряженным с типологией марша-шествия, то во II действии композитор апеллирует уже к ее трехдольной версии. В этом случае музыкальный материал «императорского выхода» и его свиты частично соотносим с типологией мазурки и полонеза, которые ассоциировались в музыкальном театре XIX в. с аналогичными торжественными шествиями родовой аристократии («Жизнь за царя» М. Глинки, «Борис Годунов» М. Мусоргского и др.).

Отметим, что интонационный язык этой темы имеет еще одну оригинальную аналогию. Верхний голос ее аккордовых вертикалей воспроизводит интонационные обороты известного духовного напева «Pange lingua gloriosi» («Возвеличим велегласно славное сражение»). Этот гимн, основанный на текстах Венанция Фортуната [17, 48] и Фомы Аквинского, посвящен прославлению Святых Даров, то есть Тела и Крови Христовой, совершаемых во время мессы. Напев «Pange lingua» был стал предметом многочисленных обработок у западноевропейских авторов различных национальных школ и эпох. Отметим, что популярностью пользовался не только сам напев как единое мелодическое целое, но и его вторая строка («Sanguinisque pretiosi» – g-a-c-h-a-g-a-g), концентрирующая в себе идею высшего духовного смысла жертвы Христа, «Крестного Дерева», символически отраженного в интонационной последовательности, связанной с риторикой «темы креста».

В большинстве произведений этот гимн и его многоголосные обработки отличаются, как правило, торжественным характером, яркой динамикой, масштабной фактурой. Предполагаем, что А. Рубинштейн, с учетом масштабности замысла и реализации концепции его «Исторических концертов», был хорошо знаком с западноевропейской инструментальной и вокальной классикой XVI–XIX вв. и потому не мог не знать этого напева. Его «глориозность» оказывается соотносимой в восприятии композитора второй половины XIX в. с триумфальными аспектами древнеримского сюжета по аналогии с музыкально-риторическими «европеизмами» интерпретации древних эпох, например, в барочной опере («Юлий Цезарь в Египте» Г. Ф. Генделя, «Армида» Ж. Б. Люлли), или в поэтике «большой» французской оперы середины XIX ст.

Таким образом, музыкальная характеристика «триумфа Нерона» в опере А. Рубинштейна опосредованно апеллирует к музыкальной риторике культуры христианской эпохи и ее семан-

тико-выразительным качествам. Кроме этого обращение к образу «Креста» и его символу – «Крестного Древа» имеет в «Нероне» также и сюжетное обоснование: в финальной сцене представления одним из знаков-символов смерти Нерона и его тиранической власти становится (согласно ремаркам либреттистов) появление в небе «чуда» – «метеора в форме креста».

Обозначенный христианский аспект соотносим и со второй ключевой темой оперы, представленной в заключительном разделе увертюры, а также в сцене с призраками, и в финале IV действия оперы. В последнем случае речь идет о хоре христиан («С нами Царь Небес»), созерцающих чудо «метеора в форме креста». И в оркестровом (увертюра и сцена с призраками), и в хоровом вариантах композитор прибегает к воспроизведению хоральной фактуры и поступенному мелодическому движению, связанному исключительно с крупными длительностями. При отсутствии прямых цитат-аналогий с церковно-певческим обиходом очевидна стилизация обозначенного жанрового качества, апеллирующего в финале оперы также к указанным ранее семантико-смысловым качествам тональности D-dur.

Аналогии с христианской традицией также порождает текст упоминаемого финального хора «С нами Царь Небес», вызывающий явные ассоциации с известной христианской молитвой «С нами Бог», основой которой являются фрагменты Книги Пророка Исаии, ориентированные на идею единения всех народов в вере и стремлении к постижению Божественной Истины. Боевой клич «Бог с нами!» был известен довольно давно. Его использовали римские солдаты (лат. *Nobiscum Deus* – Бог с нами!) Византийской империи. В Европе широкое применение в качестве лозунга эта фраза-императив нашла во время Тридцатилетней войны. «*Gott mit uns*» (с нем. – «Бог с нами») – девиз, изображавшийся на гербе Германской империи, он же широко использовался в немецких войсках с XIX века. Девиз «Съ нами

Богъ» также изображен на гербе Российской империи [см. об этом подробнее: 3].

Таким образом, этот текст, в том числе и его первоначальная фраза, запечатлевающая одно из пророческих имен Иисуса Христа, фактически объединяет народы, государства, духовно-политические организации разных эпох, христианские общины (позднее конфессии), начиная с раннего периода библейской истории и до начала XX ст. В рамках анализируемой оперы А. Рубинштейна апеллирование в либретто к духовно-смысловым аспектам христианского тезиса-императива «С нами Бог!» выявляет духовную сплоченность христиан как силы, противостоящей власти Нерона. Подобного рода внеконфессиональный, морально-этический подход к пониманию духовной сущности христианства показателен для самого композитора, о чем свидетельствуют его высказывания и афоризмы, зафиксированные в «Коробе мыслей», а также проект «духовной оперы» (см. выше), «высокая этичность» и «широкая доступность» музыкально-драматургических качеств которой должны были способствовать «сближению людей» [1, 56].

«Нерон» А. Рубинштейна по условиям создания и оценкам современников, среди которых имели место как хвалебные (Ганс фон Бюлов), так и острокритические (В. Каратыгин, П. Чайковский), является, возможно, не идеальным в интонационно-драматургическом плане произведением, о чем неоднократно говорил и сам композитор. Тем не менее, целый ряд ее номеров демонстрирует яркие образцы оперного и инструментального стиля А. Рубинштейна, популярные и в современной исполнительской практике.

К таковым отнесем *Эпиталаму Виндекса* (I действие) – кульминационный эпизод имитации «шутовской свадьбы» Нерона и жертвы его притязаний – христианки Кризы. Композитор обращается к жанру, генезис которого восходит к греко-римской фольклорной и литературной традиции. Последняя освящена поэтическим

гением Сафо, Анакреона, Феокрита, Катулла и др. Подтекст этой сцены в «Нероне» А. Рубинштейна показателен для трагической эпохи Нерона и обычаев как самого императора, так и его окружения. Поэтому торжественная эпитафия Виндекса в данном сюжетно-смысловом «раскладе» приобретает иронично-официальный характер. Этот номер представляет собой песню, включающую три куплета. Автор апеллирует к *Desdur* – тональности, связанной с образом любви в творчестве композиторов-романтиков. Призывный характер эпитафии подчеркнут большим количеством восходящих затактовых квартовых и секстовых оборотов, яркой динамикой. Яркость и торжественность этого номера еще больше оттеняет драматизм ситуации, в рамках которой «жених» изначально выступает в роли развращенного тирана, преследующего свою жертву («невесту»), оказавшуюся заложницей не только собственной красоты, но и придворных интриг порочного окружения Нерона.

Среди иных сольных номеров оперы А. Рубинштейна выделяется также *ария Поппеи* (II д.), предвкушающей свою победу над соперницами и перспективу стать женой императора. «Ария-самолюбование» связана с семантикой *D-dur*, хроматикой, большим количеством колоратур. В то же время, интонационный язык ее основной темы в завуалированной форме воспроизводит наиболее показательный оборот русской романсовой и оперной лирики XIX ст. – постепенное нисходящее движение от 3-й степени лада к 5-й, характерное в том числе для камерной вокальной лирики и оперного наследия П. Чайковского.

Отметим также *Колыбельную Эпихарисы* (III д.), которую она напевает своей дочери Кризе, пытаясь успокоить ее. Введение колыбельной в качестве сольного оперного номера – показательная особенность европейского музыкального театра XIX ст. Этот жанр представлен и в «Африканке»

Дж. Мейербера, и в произведениях П. Чайковского («Мазепа»), М. Римского-Корсакова («Садко») и т.д.

Таким образом, интонационно-драматургическая специфика оперы «Нерон» А. Рубинштейна свидетельствует о том, что это произведение возникло на пересечении жанрово-стилевых поисков европейского музыкального театра середины и второй половины XIX века. Доминирующей жанровой основой данной оперы выступает поэтика «большой» французской оперы, проявляющаяся и в условиях заказа произведения, и в апеллировании к французскому либретто Ж. Барбье, и в масштабной композиции оперы (4 действия), и в обращении к историческому сюжету с акцентированием духовно-религиозного конфликта между языческим Римом и духовностью ранних христиан. В опере много массовых сцен, балетных эпизодов, зрелищных картин (шествия, заговоры, убийства, пожар Рима и т.п.). В характеристике героев преобладает ситуативный принцип, показательный для поэтики «большой» оперы. Объединяющей драматургической функцией наделены две темы-реминисценции («триумф Нерона» и хоральная тема христиан), обобщающие сущность основного драматического конфликта оперы. Одновременно, музыкально-интонационный язык «Нерона» А. Рубинштейна вобрал в себя и лучшие традиции русского музыкального театра XIX века, в частности, исторической оперы, а также свойственного ей мелодизма. Очевиден духовный и морально-этический аспект базового драматургического конфликта оперы, воплощенного через апеллирование к хорально-певческой христианской традиции и ее текстово-религиозной составляющей, выявляющей контактность с концепцией «духовной оперы», определившей духовно-стилевые поиски А. Рубинштейна в зрелый период его творчества.

Список литературы:

1. Баренбойм Л. Антон Григорьевич Рубинштейн. Жизнь, артистический путь, творчество, музыкально-общественная деятельность. – Л.: Музгиз, 1962. – Т. 2. 1867–1894. – 492 с.
2. Глебов И. Антон Григорьевич Рубинштейн. В его музыкальной деятельности и отзывах современников (1829–1929). – М.: Музсектор, 1929. – 181 с.
3. Gott mit uns. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/gott_mit_uns (дата звернення: 16.12.2021 р.).
4. Дуров В. С. Нерон, или актер на троне. – СПб.: Алетейя, 1994. – 319 с.
5. Зима Т. Ю. Антон Григорьевич Рубинштейн – социокультурный феномен и организатор музыкального дела в России. Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – № 3 (47). 2012. – С. 230–235.
6. Зинькевич Е. Антон Рубинштейн: 50-е годы. Музыкальная академия. – № 1. 1995. – С. 178–185.
7. Зинькевич Е. Mundus musicae. Тексты и контексты. Избранные статьи. – К.: ТОВ «Задруга», 2007. – 616 с.
8. Зинькевич Е. «Фераморс» Антона Рубинштейна: эффект присутствия будущего. Музыкальная академия. – № 3. 1997. – С. 16–22.
9. История русской музыки: в 10-ти томах. – М.: Музыка, – Т. 7: 70–80-е годы XIX века. – Ч. 1. 1994. – 479 с.
10. Корабельникова Л. З. Рубинштейн А. Г. URL: lib.rmvoz.ru/bigzal/irm/7/rubinshteyn/st (дата звернення: 18.10.2018 р.).
11. Михеева Л. Опера Рубинштейна «Нерон». URL: www.belcanto.ru/neron.html (дата звернення: 02.02.2021 р.).
12. Нерон (опера Рубинштейна). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Нерон_\(опера_Рубинштейна\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Нерон_(опера_Рубинштейна)) (дата звернення: 03.03.2021 р.).
13. Рубинштейн А. Г. Литературное наследие: в 3-х томах. Статьи. Книги. Докладные записки. Речи / сост., текстологическая подготовка, коммент. и вст. ст. Л. А. Баренбойма. – М.: Музыка, – Т. 1. 1983. – 214 с.
14. Рубинштейн А. Г. Музыка и ее представители. СПб.: Издательство «Союз художников», 2005. – 160 с.
15. Серебрякова Л. Антон Рубинштейн: к мифологии судьбы. Музыкальная академия. – № 4. 2000. – С. 158–163.
16. Скирдова А. А. Лирические оперы А. Г. Рубинштейна в контексте эволюции жанра: дисс... канд. искусствоведения: 17.00.02 – Музыкальное искусство / Ростовская государственная консерватория (академия) им. С. В. Собинова. – Ростов-на-Дону, 2011. – 219 с.
17. Фортунат Венандий. Избранные стихотворения / пер. с лат. Р. Л. Шмаракова. – М.: Водолей, 2009. – 280 с.
18. Чешихин В. История русской музыки (с 1674–1903). 2-е изд., испр. и доп. – М.: П. Юргенсон, 1905. – 638 с.
19. Шан Юн. Містеріальні аспекти «великої» французької опери та їх відтворення у творчості Дж. Меєрбера та Ж. Ф. Галеві: автореф. дис. ... канд. мистецтвознавства: 17.00.03 – Музичне мистецтво / Одеська національна музична академія імені А. В. Нежданової. – Одеса, 2021. – 18 с.
20. Энгель Ю. В опере. – М.: П. Юргенсон, 1911. – 304 с.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-27-31>

*Malyarchuk Kateryna Gennadiievna,
Postgraduate Student,
Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine
E-mail: mimikriya@ukr.net; poisk.07@ukr.net*

THE PLACE OF MAKEUP IN THE STRUCTURE OF ACTING INS REINCARNATION

Abstract. The article examines the role and place of make-up in the structure of acting transformation. Indeed, in order to create stage images, it is not enough for actors to possess acting technical skills. They must be able to portray the true character, experiences and driving motives of the behavior of their hero, that is, to reincarnate. A key place in the structure of reincarnation in the context of creating a reliable image is occupied by a visual solution expressed with the help of makeup.

Keywords: make-up, actor, reincarnation, visual solution, stage image.

*Малярчук Екатерина Геннадиевна,
аспирантка Киевского национального
университета культуры и искусств, Украина
E-mail: mimikriya@ukr.net; poisk.07@ukr.net*

МЕСТО ГРИМА В СТРУКТУРЕ АКТОРСКОГО ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

Аннотация. В статье исследуется роль и место грима в структуре актерского перевоплощения. Ведь для создания сценических образов актерам недостаточно владеть актерским техническим мастерством. Они должны уметь изобразить подлинный характер, переживания и движущие мотивы поведения своего героя, то есть перевоплотиться. Ключевое место в структуре перевоплощения в контексте создания достоверного персонажа занимает визуально-образное решение, выраженное с помощью грима.

Ключевые слова: грим, актер, перевоплощение, визуальное решение, сценический образ.

Актер, актриса в переводе с латыни – это «тот, кто действует». В переводе с греческого языка – это «творящий дух, выраженный в поведении». То есть актер – это не просто исполнитель ролей в разных спектаклях и кинопроизведениях. Основная задача актеров – создавать сценические образы, изображать сквозь призму собственного поведения внутреннее содержание другого человека. Следовательно, профессия актера, без сомнения, – наиболее специфическая и неоднозначная,

ведь на сценической площадке ему нужно уметь умело перевоплощаться в любого героя-персонажа. Недаром К. Станиславский считал основной задачей актера – воплощение жизни человеческого духа на сцене.

Творческие личности по-разному понимают перевоплощение. А. Липская справедливо подметила, что, например, Бальзак видел в перевоплощении «ретроспективное проникновение», Сальвини – «психическую интуицию», Сара

Бернар – способность «променять свою жизнь на чужую», Доде связывал перевоплощение с «даром воплощаться в другие существа», Гете – с «инстинктом отождествления себя с чужим положением», Гоголь – с «чутьем слышать душу» [4, с. 241–242].

Впрочем, несмотря на столь широкий спектр пониманий, все авторы фактически согласны в одном: основная сверхсложная задача, которую должен решать актер – это поиски органического поведения и эмоций актера-персонажа в процессе перевоплощения. Так перевоплощение становится непрерывной бесконечной целью актерской профессии. Отсюда – последняя становится антропоориентированной, требует от актера постоянного наблюдения за собой, изучения особенностей как собственной личности, так и личности других [2].

Следовательно, для создания современных и интересных сценических характеров актерам недостаточно просто владеть актерским техническим мастерством, им необходимо постоянно взаимодействовать с окружающим миром, интересоваться жизнью во всей ее полноте, красках и проявлениях. Нужно постоянно работать над собой, поскольку основное орудие труда актера – собственный внутренний мир, эмоции, чувства и тело. Только прочувствовав всю полноту красок жизни актер может изобразить подлинное переживание своего героя, только тогда можно говорить о его полном перевоплощении.

Недаром в древности актеров называли лицедеями, притворщиками, двуличниками, притворами, оборотнями и под., одевающими чужую «личину». А сами театральные представления назывались «лицедейством». От актера требовалось на время забыть о собственном характере, внешности, разменять себя на чужие эмоции, мысли и высказывания.

Однако самая большая сложность заключается в том, по нашему мнению, что подлинное актерское перевоплощение – это не отождествление, не простое копирование голоса, внеш-

ности, походки, мимики или манеры поведения другого, что отчасти имело бы комический вид или признаки пародийности. «Из-за контролируемого сознанием действия актер не отождествляет себя с изображаемым героем, но проникает в сферу его движущих мотивов (сферу, которая в значительной степени принадлежит сознанию и подсознанию) вплоть до сверх-задания образа (сфера сверхсознания) во имя решения своего сверх-сверх-задания, то есть удовлетворения своей художественной потребности. Совершаемые в процессе преобразования действия – их называют «сценическими» – отличаются от любых повседневных жизненных действий тем, что возникают по заказу, так, если бы их вызывала реальная необходимость» [6, с. 117–134], – постулируют русские исследователи.

Актер должны проникнуться воплощаемым образом на столько, чтобы его внимание и представление были увлечены всей разноаспектной системой ассоциаций, необходимых для перевоплощения.

Недаром К. Станиславский считал воображение передовым в процессе творчества. «Воображение актера должно подталкивать, вызывать сначала внутреннее, а затем внешнее действие» [7, с. 76–78], – отмечал мастер актерской техники.

Василики Велтсита отмечает, что направленность внимания и представление актера на конкретный комплекс конфликтных обстоятельств позволяет органически подвести его к необходимой логике восприятия и мышления, вызвав активное побуждение к действиям, получаемым в данных условиях «естественной логической закономерностью» [1, С. 114].

Кроме того, во время перевоплощения актер использует и собственную логику анализа и интерпретации образа и событий, что в то же время не должно противоречить содержанию спектакля в том формате, как его «видит» режиссер, руководствуясь собственными предпочтениями и представлениями. Так образ, создаваемый актером,

становится результатом взаимодействия трех заинтересованных лиц: актера, авторского персонажа и режиссера.

Истинное воспроизведение событий изменяет энергетику, физическое самочувствие актеров и создает эмоциональный стимул для действующей реакции на происходящее, органической для данного характера [1, С. 114], – утверждает Василики Велтсиста.

Важное, а иногда и ключевое место в контексте создания достоверного образа в структуре перевоплощения, наряду с другими элементами, занимает грим.

Грим (фр. *grime* – буквально «забавный, старый», от древнеитальянского *grimo* – «морщина, складка») – это искусство изменения внешности актера, преимущественно его лица, с помощью гримировочных красок, пластических и волосных накладок, париков, причесок [3, С. 4].

То есть перевоплощение – это роль, сыгранная актером, именно она и является сценическим образом, включающим в себя и визуальное решение, выраженное с помощью грима. Следовательно, работа над ролью ведется не только по внутренней (психологической) линии, но и по внешнему отражению характера персонажа в гриме. Визуальная трактовка образа актером, режиссером и художником свидетельствует о создании визуального текста грима [5], как констатирует М. Максимова.

Так, к «художественному» видению образа героя автором, актером и режиссером приобщается еще понимание и интерпретация его гримером, что лишь усиливает важность грима для отображения эмоциональной и социальной характеристики персонажа.

То есть гример – это художник, создающий образы согласно актерской роли, замыслу автора, видению режиссера, художественному, стилистическому и световому оформлению спектакля.

Таким образом, над удачным перевоплощением героя работает коллектив художников, в частности гримеры, мастерство которых, к со-

жалению, часто остается не оцененным по достоинству. Посему во время просмотра очередного представления или фильма стоит все-таки отдавать должное профессиональным гримерам, которые изменяют внешность актера зачастую во многом лучше любой компьютерной графики.

Конечно, грим актеру нужен в любом случае, в частности, чтобы минимизировать дефекты кожи, убрать чрезмерный блеск лица. В таком случае речь идет о косметическом гриме, то есть о гриме без специального эффекта, предназначенном только для поддержания «рабочего» вида актера, скрывания результатов усталости, например, потливости. Фактически такой грим просто скрывает или корректирует небольшие недостатки кожи и подчеркивает естественную красоту черт лица.

Его наносят в начале каждого съемочного дня, если речь идет о съемках фильма, и в течение дня перед каждым дублем. Грим постоянно поправляет профессиональный гример, чтобы вид актера оставался в кадре неизменным.

Обычно для косметического грима используют телесные тона, наиболее соответствующие тону кожи актера. При этом такой грим, как мы уже отмечали, минимизирует жирность и блеск, которые особенно заметны в условиях профессионального искусственного освещения, а также помогает «подчеркнуть» черты лица в «объективе» камеры, или в театре, когда актеры достаточно удалены от зрителей. Обычно такой грим выглядит максимально естественно, поэтому его используют все актеры – и женщины, и мужчины. Поскольку за счет естественности создается впечатление, что актеры вообще не загримированы [2].

Однако обычно грим выполняет другую функцию, вспомогательную – для подкрепления полноты перевоплощения. Это уже профессиональный грим, который позволяет актерам плотнее вжиться в образ и измениться иногда до неузнаваемости.

Недаром выделяют различные виды профессионального грима, которые служат полноте перевоплощения: характерный, гротесковый,

сказочный, возрастной, портретный, линейный, национальный, корректный грим.

В каждом таком случае грим становится своеобразным искусством, изобразительным, визуальным средством, помогающим актеру измениться, часто так, что в гриме актера трудно или даже невозможно узнать. Главное, чтобы грим соответствовал не только образу, но и режиссерскому замыслу и стилю художественного произведения. Такой грим применяют с целью наилучшего перевоплощения, создания максимального сходства, художественной выразительности для соответствия образу, который нужно актеру реализовать на сценической или киноплощадке.

Кроме того, не секрет, что режиссер всегда стремится найти новую сценическую форму, стилистическое решение спектакля и т.д., поэтому часто именно от грима зависит результативность его новаторской идеи.

То есть основная задача гримера – помочь актеру внешне перевоплотиться в необходимый образ с помощью специальных красок, специальной пластической массы (гуммоза), волосяных (борода, усы, парик и т.д.), полупрозрачных силиконовых плоских и объемных накладок (нос, щеки, подбородок и т.д.), что позволяет раскрыть внутреннее содержание сценического образа.

М. Максимова также отмечает важность грима на первых минутах знакомства с героем. «В этот короткий промежуток времени складывается впечатление о персонаже, считывается и закрепляется вся информация, заложенная в его визуальном образе» [5].

В виду особенностей мускулатуры лица, мимики актера, гример может изменить не только черты лица, но и его форму, если это больше соответствует характеру персонажа. То есть грим должен соответствовать мимике актера, а мимика – гриму. Кроме того, грим должен соответствовать всему внешнему оформлению – свету, декорациям, костюму и тому подобное [2].

При этом следует учитывать, что существует ряд отличий между театральным гримом и гримом в кино.

Так, театральные роли более условны, приблизиться к актеру невозможно, специфика театральной сцены и освещения позволяют быть не совсем похожим на персонажа [5], как отмечает М. Максимова. Также театральный грим отчасти выглядит довольно удивительным, неестественным и резким.

И наоборот, в кинематографе обычно пытаются найти актера, максимально похожего на персонажа, особенно если его прототип существовал в реальной жизни. Часто такое преобразование с помощью грима получается настолько удачным, что отчасти похоже не на актерское перевоплощение, а на настоящую реинкарнацию.

Особенно поиск «похожего лица» оправдывает себя в исторических фильмах, основанных на документальных материалах, когда актер не может быть «немного похожим», поскольку на крупном и даже среднем плане непохожесть с историческим прототипом станет очевидной [5].

Также сегодня популярностью пользуется «типажное» кино, когда актер играет сам себя (свое лицо), а его морщинки и прыщики хорошо видны. Это олицетворяет извечное стремление приблизить кинорасказ к реальности жизни, к документальности [5].

Об особенностях перевоплощения в кинематографе пишет и А. Липская, которая отмечает, что главным требованием к исполнителю становится сущность и значимость личности актера как такового. В поисках героя ищут совпадающую с ним личность, а точнее индивидуальность актера. Тем самым принцип внешней типажности заменяется принципом внутренней. Следовательно, при условии игры от своей личности основной заботой многих актеров становится овладение мыслью, свободным поведением на сцене, самовыражением при отсутствии поиска образного начала и духовного перевоплощения,

что приводит к подобию сценических образов и их творцов [4].

Так, к сожалению, отчасти нивелируется и первоочередное значение грима, одной из задач которого является определенная иллюзорность, театральность происходящего.

Таким образом, можно сделать выводы, что актеры на сцене или киноплощадке должны уметь изобразить подлинный характер, переживания и движущие мотивы поведения своего героя, то есть перевоплотиться. Одной из важных состав-

ляющих визуально-образного перевоплощения актера в создании правдивого и выразительного сценического персонажа, что часто определяет успех у зрителей, является удачный грим. При этом грим может постоянно меняться, адаптируясь в соответствии с потребностями времени, режиссерским замыслом, зрительскими предпочтениями и запросами. Так грим становится «живым» искусством, отдельной системой смыслов и знаков, с помощью которой создается визуальное подкрепление образа.

Список литературы:

1. Василики Велтсиса. Феномен актерского восприятия и его значение в процессе профессионального воспитания актера: дисс. канд. искусствовед. URL: <https://gitis.net/upload/iblock/542/54247969355b67d9262e77d2af9212cf.pdf>
2. Изобразительные средства актёрского перевоплощения. Костюм, грим, маска. URL: <https://4brain.ru/blog/%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D>
3. Курышев В. Н. Грим в театральной школе: учебно-методические указания. – Ярославль: Ярославский государственный театральный институт, 2015. – 74 с.
4. Липская Е. В. Перевоплощение как феномен театрального творчества. Вестник МГУКИ, январь-февраль – 7(27). 2009. – С. 241–254.
5. Максимова М. Н. Искусство грима в русской театральной культуре конца XIX – первой трети XX вв.: автореф. ... канд. искусствовед.; Российский государственный гуманитарный университет. – Москва, 2010. – 27 с.
6. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. Москва, 1984. – 161 с.
7. Станиславский К. С. Работа актера над собой. Артист. Режиссер. Театр. – Москва. 2006. – 490 с.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-32-38>

*Xuanyang Zhu,
Applicant of the Odessa National Academy of Music
named after A. V. Nezhdanova, Odessa, Ukraine
E-mail: galina.shpak425597@gmail.com*

REQUIEM J. RUTTER IN THE CONTEXT OF EVOLUTIONARY PATHWAYS OF DEVELOPMENT OF THE CHRISTIAN FUNERAL MUSICAL AND HISTORICAL TRADITION

Abstract. The article focuses on the genre and intonation-dramatic specifics of J. Rutter's Requiem, which absorbed the spiritual and ethical traditions of the Anglican Church and its funeral rituals, which were formed at the intersection of Catholic and Protestant rituals, as well as the revival of the traditions of the "Undivided Church".

Keywords: requiem, Catholic requiem, "German Requiem", Anglicanism, Anglican mourning rituals, J. Rutter's Requiem.

*Чжу Сюаньян,
соискатель Одесской национальной музыкальной академии
имени А. В. Неждановой, Одесса, Украина
E-mail: galina.shpak425597@gmail.com*

РЕКВИЕМ ДЖ. РАТТЕРА В КОНТЕКСТЕ ЭВОЛЮЦИОННЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ ТРАУРНОЙ МУЗЫКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Аннотация. В статье сосредоточено внимание на жанровой и интонационно-драматургической специфике Реквиема Дж. Раттера, вобравшего в себя духовно-этические традиции англиканской церкви и ее заупокойной ритуалики, формировавшейся на пересечении католической и протестантской обрядовости, а также возрождения традиций «Неразделенной церкви».

Ключевые слова: реквием, католический реквием, «немецкий реквием», англиканство, англиканская траурная обрядовость, Реквием Дж. Раттера.

Духовная музыка – это ценнейший пласт культуры человечества. Она охватывает не только богослужбное пение и песнопения на канонические тексты, но и композиторские сочинения, написанные для богослужений или на библейские сюжеты и мотивы, произведения, которые могут и не быть связаны с религиозными текстами, но используют сакральную символику. По мнению

В. Ценовой, «религиозность – состояние, свойство души человека, относящееся к его умственным и нравственным силам. Поэтому, когда мы говорим о религиозности современной музыки, мы не ограничиваемся только лишь специальным пластом духовных жанров. Речь идет о вечных темах искусства, вопросах о смысле бытия, об этической основе музыки» [7, С. 128], а также о теме

жизни и смерти, актуальной в культуре различных эпох. Обозначенное качество нашло запечатление и в духовном хоровом творчестве композиторов XX столетия, в частности, в Реквиеме Дж. Раттера, широко известном в современной исполнительской практике, что обуславливает актуальность темы представленной статьи.

Русскоязычная библиография, посвященная творчеству данного автора, который является нашим современником (род. В 1945 году), минимальна и ограничивается в основном интернет-источниками [13; 14; 15]. Их дополняют материалы многочисленных интервью, в которых освещается творческая позиция Дж. Раттера [10], а также его деятельность в качестве дирижера (Cambridge Singers). Популярность в современной хоровой исполнительской практике сочинений данного автора стимулирует также активный исследовательский интерес к его опусам, в том числе и к Реквиему.

Цель данной статьи – выявление поэтико-интонационных особенностей Реквиема Дж. Раттера в контексте особенностей претворения в нем англиканской традиции в культурно-исторических реалиях XX века.

Научная новизна представленного исследования определена тем, что в ней впервые представлены аналитические обобщения относительно поэтики Реквиема Дж. Раттера, выявляющие не только жанрово-стилевую специфику творчества композитора, но и его духовно-смысловую составляющую, генетически сопряженную с англиканской традицией.

Жанр составляет одну из важнейших категорий музыкального искусства, определяющих в совокупности его семантико-интонационные показатели, обобщенные в терминологическом определении. Сказанное в полной мере соотносимо и с той жанровой сферой европейской музыкально-исторической традиции, которая непосредственно сопряжена с христианским культом и показательной для него фиксацией внимания на духовной стороне жизни человека и ее «вечных» темах. В по-

следнем случае одно из существенных, «осевых» мест принадлежит осмыслению темы смерти. По меткому замечанию А. Демичева, «прогресс тех или иных культур, цивилизаций напрямую связан с отношением к смерти. Осознание собственной смертности влечет глубокие изменения в сознании личности, то же происходит с культурами и цивилизациями» [цит. по: 3, С. 53].

Одним из наиболее показательных жанров европейского музыкального искусства прошлого и современности, емко запечатлевающих данную тему, выступает реквием, определенный Н. И. Тарасевич как «месса смерти в католической церкви» [6, С. 94]. Показательно, что данный жанр, возникший еще в эпоху Средневековья, оказался востребованным на протяжении многих исторических эпох и национальных культур вплоть до современности, демонстрирую при этом диалектику взаимодействия в нем жанрово-стилевых новаций различных эпох при одновременном сохранении своего жанрового «генетического кода».

Сущность последнего фактически заключена в том, что реквием, равно как и его иные конфессиональные аналоги (см. ниже), запечатлевает «христианское преставление о смерти» [5, С. 19]. По мнению А. Ефименко, «самосутність» реквиема заключена в «християнському уявленні про смерть, як послідовну реалізацію (на структурному, вербальному, інтрамузичному рівнях) християнської ідеї смерті-переходу (“преставлення”) від кінцевого до вічного» [2, С. 82].

Сказанное во многом определяет (при всех жанрово-стилевых метаморфозах) актуальность данного жанра в творческой практике XX – начала XXI столетий, его «вписанность» в непростой культурно-исторический контекст современности. Как отмечает Е. Щетинина, «в наше время реквием является уже не просто частью католической обрядности и даже не концертным ее вариантом. Реквием приобретает иную сакральность – культурную. Он становится культурным символом и вбирает в себя все возможные и невозможные

смыслы <...> Реквием XX века – это много- и интертекстуальное произведение, где, как правило, уже лишь только название дает отсылку к католическому ритуалу – активизация интеллектуальной схемы, в рамках которой будут работать остальные составляющие произведения» [9, С. 617].

Заметим, что поэтика рассматриваемого жанра в рамках западноевропейской христианской традиции прошлого и современности не ограничивается только католической его «ипостасью», в рамках которой собственно и возникло определение «реквием», но также репрезентирована иными конфессиями, в том числе протестантской (лютеранской), а также и англиканской. Концепции траурной ритуалики последней весьма существенны для проблематики темы представленной работы, предмет которой сосредоточен, как указывалось ранее, на выявлении поэтико-интонационных особенностей Реквиема Дж. Раттера, вобравших в себя специфику как католической, так и собственно англиканской традиции (см. ниже).

Исторические пути развития названного жанра свидетельствуют о поэтапном формировании его конфессиональных разновидностей. Эволюция католического латинского реквиема, многократно репрезентированного в творчестве композиторов Нового времени, демонстрирует очевидные процессы секуляризации данного жанра, который характеризуется тяготением к фиксации крайних состояний, концентрации внутреннего психологизма и субъективных переживаний, полярностью образов, что находит отражение в доминирующей роли раздела «Dies irae», в активизации в нем инструментального начала, усилении контактности реквиема с музыкально-театральными жанрами при одновременном сохранении значимой роли духовно-этической тематики.

Суммируя исторические данные относительно развития «траурной погребальной музыки лютеранской традиции» («Немецкого реквиема»), отметим, что, в отличие от католического реквиема, она не сложилась в законченный кано-

низированный обряд. Образцы подобного рода музыки могли быть реализованы в разнообразных формах – от обиходного протестантского хора на тему «смерти и вечности» («Tod und Ewigkeit») [12] вплоть до «Концерта в форме заупокойной мессы» (Г. Шютц) и разнообразных композиционных «моделей» баховских духовных кантат и их аналогов (И. Брамс). При этом автор был абсолютно свободен в вопросах выбора текста из лютеранской Библии и его компоновки. Неприятие протестантизмом «искупительной» функции латинского католического реквиема обусловило также и специфику репрезентации в данной традиции образа смерти как ключевого в христианской заупокойной практике.

«Немецкий реквием» становится художественным эквивалентом христианской идеи смерти как *Итога* человеческого земного пути, извечного закона бытия». «Понятие “Смерти-Итога”, “Смерти-Успокоения” подчеркивает непреходящую ценность человечески дел, высокий смысл земного пути как богоданного, ориентированного на высочайшие духовные авторитеты» [5, С. 81] и доминирующую роль идеи духовной корпоративности человеческого сообщества. Сказанное определяет выровненность эмоционального тона всех разделов названного жанра, исключаяющего оперно-театральную драматизацию, показательную для образцов латинского реквиема;

Феномен Англиканской церкви и сопряженной с ней культуры, формировавшийся в достаточно непростых исторических условиях не только социального, но и религиозного порядка, с одной стороны, вобрал в себя качества и духовные установки разнообразных конфессий, обусловив появление «Высокой» и «низкой» церквей, дополнявших друг друга доминантной ролью так называемого «среднего пути». С другой стороны, открытость англиканства различным духовным христианским традициям оказывалась также соотносимой и с приверженностью к Католической Церкви, ее восточнохристианскому генезису и традициям

«древлезападного православия», ориентированным на единение христианской традиции.

Заупокойная практика Англиканской церкви или «Англиканский реквием» так или иначе вообрала в себя все обозначенные выше сложности ее исторического пути. Претендующая на кафоличность своих религиозных установок, она приходит к своеобразному и органичному синтезу обозначенных традиций, в которых католическая и протестантская (в широком понимании) практики, генетически восходящие в конечном итоге к идеям «Неразделенного христианства», взаимно дополняют друг друга.

Сказанное нашло отражение и в композиторской практике Англии, в которой до XVI ст. доминировал латинский католический реквием, а с началом периода Реформации текстовой основой музыки для похоронных и траурных церемоний становились библейские фрагменты в английском переводе (Т. Морли, J. Alcock, J. Parsons, L. Woodson). В XVII ст. данная традиция была уже подхвачена и развита в творческом наследии Т. Томкинса, Дж. Фостера, О. Гиббонса, Г. Перселла, В. Крофта и др. Последний из названных авторов в 1724 году опубликовал свой главный опус – «Духовная музыка», который включал в себя и Поминальную службу, востребованную и ныне на государственных похоронах в Великобритании [см. об этом более подробно: 4].

Англиканский реквием оказался чрезвычайно актуальным и в период английского музыкального «возрождения» на рубеже XIX–XX ст., о чем свидетельствует не только творческая практика этого времени, но и феномен так называемого «Викторианского культа смерти», сопряженного с эпохой правления королевы Виктории. Культ траура в Британии становится массовым явлением в среде высшего и среднего класса и приобретает четко установленный этикетом регламент. основоположницей «моды на траур» стала овдовевшая королева Виктория, носившая траур по своему супругу вплоть до конца своей жизни.

Творчество Ч. Станфорда, Ф. Делиуса, Дж. Харрисона, Э. Ллойда-Уэббера, а также их последователей в XX ст., в том числе и Дж. Тавенера и др. характеризуется огромным интересом именно к мемориальной жанровой сфере и, прежде всего к Реквиему [см. об этом более подробно: 11]. Большинство произведений названных авторов являются собой оригинальный симбиоз традиционных латинских текстов или их свободной комбинации с поэтическими либо философскими текстами прошлого и современности, в том числе и с привлечением неевропейских авторов.

Реквием Дж. Раттера, созданный уже во второй половине XX ст., не претендует на принципиальную оригинальность замысла, но скорее соотносим именно с «классической» англиканской традицией. Словесная основа произведения представляет собой монтаж библейских и собственно культовых богослужебных текстов, выявляющих специфику как авторского подхода и оценки сущности феномена смерти в духовном бытии человека, так и его англиканскую специфику.

Известно, что активная творческая деятельность Дж. Тавенера с очевидным доминированием духовной хоровой жанровой сферы началась во время учебы в Хайтгейтской школе, где Дж. Раттер получил первое музыкальное образование в классе Джона Тавенера. Позднее он поступил в Клэр – колледж Кембриджа, где стал певчим концертирующего хора учащихся.

Большое впечатление на юного композитора произвело исполнение их коллективом «Военного Реквиема» под управлением самого автора произведения – Бенджамина Бриттена, а также непосредственное участие в первой записи этого сочинения в 1963 году в роли хориста. По словам Дж. Раттера, это событие позднее подвигло его написать свой Реквием, который композитор посвятил памяти отца, смерть которого стала для него большой утратой. С тех пор духовное хоровое искусство стало фактически ведущей жанровой сферой в творчестве Дж. Раттера – композитора,

хорового деятеля, дирижёра, аранжировщика, редактора и продюсера.

Большинство произведений Дж. Раттера – это культовые хоровые произведения, где одно из доминирующих мест принадлежит рождественским хоровым гимнам (кэрол). В рамках этого жанра он создал десятки новых аранжировок уже известных гимнов и написал много оригинальных произведений данного жанра. Среди его крупномасштабных хоровых сочинений – «Глория» (1974), Реквием (1985) и «Детская месса» (2003). Он также подготовил новое издание Реквиема Габриэля Форе, который также был для него источником вдохновения при создании собственного Реквиема [16]. Среди других его произведений выделяется концерт для двух фортепиано на темы Beatles; произведения для камерного оркестра, в частности, «Антикварная сюита» (вдохновленная Бранденбургскими концертами И. С. Баха); и несколько творческих музыкальных «басен» для рассказчика, хора и оркестра и мн. др.

Анализируя композиторский стиль Дж. Раттера, можно прийти к выводу, что его музыка эклектична. Своими «корнями», жанровыми предпочтениями она, безусловно, восходит к истокам старинной христианской музыки, хотя сам композитор в своих многочисленных интервью неоднократно подчеркивал, что не считает себя традиционным верующим человеком. Тем не менее, в беседе с одним из музыкальных критиков Дж. Раттер признавался: «Я всегда любил церковную музыку <...> Я склонен выбирать [для работы] старые текстовые версии. Для меня в них больше резонанса, глубины и поэзии» [10].

Одновременно в его композициях прослеживается влияние многовековых хоровых традиций Англии и французской культуры начала XX века. Дополнением к стилевой «эклектике» в его сочинениях можно считать и жанровые признаки американского классического джаза и сопряженного с ним вокального искусства.

Дж. Раттер в своем творчестве фактически исповедует путь традиционализма и отдавая предпочтение тональной музыке и закономерностям ее письма. Не принимая современных для его эпохи авангардных композиторских техник, музыкант утверждал: «Я не из тех композиторов, которые были созданы для того, чтобы быть на острие происходящего. Я не пионер <...> Не думаю, что когда-нибудь откажусь от основы моего стиля, который на самом деле очень прост, тонален и коммуникативен <...> Я твердо убежден в том, что должен быть средний путь между чисто поп-музыкой и музыкой, которая является чисто эзотерической и современной» [10].

Обозначенная позиция выявляет не только специфику авторского стиля Дж. Раттера, но и его генезис, коренящийся именно в традициях духовного пения, столь существенного именно для английской музыкально-исторической традиции. Соответственно, творчество при подобном подходе мыслится не только (и не столько) в категориях индивидуального авторского самовыражения, сколько на уровне духовно-эмоционального единения человеческого сообщества, его приобщения к Высокому и Прекрасному.

Обозначенная позиция наиболее полно сосредоточена в поэтике Реквиема Дж. Тавенера. Произведение в общих чертах воспроизводит структуру латинского реквиема, который дополняется текстами заупокойных «изречений» англиканской «Книги общих молитв», а также английскими переводами 130 и 23 псалмов. В двуязычии произведения органично вписывается и греческая молитва «Kyrie eleison», выявляя тем самым столь показательное для англиканской традиции тяготение к кафоличности, генезис которой восходит к традициям «Неразделенной церкви» и «древлезападного православия». С последним органично соотносима и трактовка образа смерти в данном сочинении, тяготеющая к принципиальному избеганию ее трагико-драматического толкования, что подтверждается в том числе и отсутствием раздела «Dies irae».

В данном случае доминирующей оказывается установка на понимание финала человеческого бытия не только на уровне перехода в «лучший мир», но и как закономерного *итога*, определяющего его смысл и значимость.

Обозначенная идея определяет поэтику Реквиема Дж. Раттера, ориентированную на предельную простоту музыкального выражения, на четко выраженную тональную основу и ее риторико-семантические качества. Связь с интонационным строем церковного христианского обихода (вплоть до цитат) определяет минимализацию собственно авторского самовыражения композитора.

Медитативный, лирико-эпический характер произведения сопряжен с темповыми, динамическими и фактурными предпочтениями автора. В реквиеме доминируют исключительно медленные темпы, приглушенная динамика, многочисленные органые пункты, соотносимые с «поэтикой тишины», востребованной в том числе и в выразительности музыкального постмодерна конца XX ст.

Структурная специфика Реквиема Дж. Раттера выявляет связь с концентрическими формами, генетически восходящими к древней культовой ритуалике и ее мифологическим основаниям («метакод обратимости» по С. Гончаренко). Семичастная композиция данного произведения имеет арочно-концентрическую структуру, в соответствии с которой обнаруживаются тексто-смысловые и интонационные (вплоть до повторения-реминисценции) аналогии между I и VII частями. II и VI чч. объединяет идея «озвучивания» псалмов в английском переводе, «комментирующих» канонический текст латинского реквиема, в то время как III и V чч. (латинский текст) в конечном итоге сконцентрированы на образах просветленной молитвы о вечном покое. Центром данной концентрической композиции становится IV ч., запечатлевающая образ славы-хвалы, гимнический приподнятый тонус которого накладывает отпечаток и на общий эмоционально выровненный тонус всего Реквиема Дж. Раттера.

Подобного рода структура обнаруживает прямые аналогии и с «Немецким реквиемом» И. Брамса с той лишь разницей, что последний автор выстраивает концепцию своего сочинения, основываясь исключительно на текстах лютеранской Библии, озвученной через обобщенное творческое претворение поэтики протестантского хора, в то время как Дж. Раттер, принимая идею претворения образа смерти как итога деятельной жизни индивида (VII ч.), осуществляет свой замысел в соответствии со «срединным путем» англиканской традиции, объединяющей под своим «кафолическим» началом культовые многоязычные практики различных конфессий.

Апеллирование к концентрической форме выстраивания цикла в данном случае обусловлено не только возможным стремлением автора к солидаризации с реквиемной классикой духовной музыки прошлого и современности, но и с генезисом названной формы, восходящим к древнейшим культово-религиозным и мифологическим практикам. «Типологические исследования по этнографии, фольклористике, филологии констатируют в этнических текстах важную роль метакода обратимости [концентричности], который связывает универсальные понятия: разрушения и созидания, умирания и воскресения, “смерти, переходящей в жизнь, и жизни, переходящей в смерть” (О. Фрейденберг) <...> Фабула симметрии предназначена, чтобы упорядочивать картину мира, разрешать возникающие противоречия» [1, с. 10–11].

В конечном же итоге, обозначенная концентрическая форма с показательной для нее идеей симметрии, по мнению В. Цуккермана, «в музыке, да и в других видах искусства ассоциируется с представлением о красоте, соразмерности, гармоничности целого» [8, С. 108]. Размышляя о специфике подобного рода структур, исследователь также указывает на особую значимость «центра симметрии», поскольку, по его словам, «здесь может таиться нечто сокровенное, особо

важное по лирической экспрессии или определяющее неизбежность обратного хода» [8, С. 110].

Соответственно, Реквием Дж. Раттера и на структурном, и на интонационно-смысловом, и на

текстово-языковом уровнях становится запечатлением смерти-итога, смерти-покоя, претворенном сквозь призму традиций англиканской церкви и ее духовных установок в постижении Сущего.

Список литературы:

1. Гончаренко С. С. Зеркальная симметрия как драматургический и формообразующий принцип в музыке XIX – первой половины XX века: автореф. дисс. ... доктора искусствоведения / Московская государственная консерватория имени П. И. Чайковского. – Москва, 1994. – 35 с.
2. Єфіменко А. Г. Формування змістовного комплексу ревієма на основі латинського канонічного тексту. Науковий вісник НМАУ ім. П. І. Чайковського: Семантичні аспекти слова в музичному творі. – Вип. 28. 2003. – С. 81–90.
3. Косятова С. С. «Народное православие» сквозь призму традиционной духовной поэзии похоронно-поминального обряда. Музыкаведение. – № 7. 2009. – С. 53–59.
4. Крофт Уильям (композитор). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Крофт_Уильям_\(композитор\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Крофт_Уильям_(композитор)) (дата обращения: 28.10.2020).
5. Муравская О. В. Немецкая траурная погребальная музыка лютеранской традиции как феномен европейской культуры XVII–XX веков: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.03 – музыкальное искусство / Одесская государственная музыкальная академия имени А. В. Неждановой. – Одесса, 2004. – 181 с.
6. Тарасевич Н. И. Социально-коммуникативная направленность жанра «Реквием». Музыкальное произведение в системе художественной коммуникации. Красноярск: Издательство Красноярского университета, 1989. – С. 94–110.
7. Ценова В. С. Новая религиозность русской музыки и духовные сочинения Эдисона Денисова. Московский форум. Музыка XX века: Научные труды МГК им. П. И. Чайковского. – М.: МГК им. П. И. Чайковского, – Сб. 25. 1999. – С. 128–141.
8. Цуккерман В. Анализ музыкальных произведений. Сложные формы: Учебное пособие. – М.: Музыка, 1984. – 214 с.
9. Щетинина Е. В. Месса по усопшим в XX веке: «Реквием» Э. Л. Уэббера как ритуальная музыка и культурный феномен. Музыка и ритуал: Структура, семантика, специфика: материалы Международной науч. конф. / отв. ред. Г. Б. Сыченко. Новосибирск: НГК им. М. И. Глинки, 2004. – С. 616–627.
10. Composer / Conductor John Rutter. A Conversation with Bruce Duffie. URL: <http://www.bruceduffie.com/rutter.html/> (дата обращения: 10.11.2020).
11. Dockery Jr. V. D. Tracing the Genesis of the English Requiem Through Selected Works: Doctoral dissertation / University of South Carolina, 2019. – 152 p.
12. Evangelisches Kirchengesangbuch. Ausgabe für die Vereinigte protestantisch evangelisch christlich der Pfalz.
13. John Rutter. URL: <https://www.britannica.com/biography/John-Rutter/> (дата обращения: 10.11.2020).
14. John Rutter. Requiem. URL: <https://arts.ucdavis.edu/sites/main/files/file-attachments/2010-05-28-chorus-pg-3.pdf/> (дата обращения: 29.10.20 г.).
15. John Rutter. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/John_Rutter/ (дата звернення: 01.11. 2021).
16. Requiem (Rutter). URL: [https://de.wikipedia.org/wiki/Requiem_\(Rutter\)/](https://de.wikipedia.org/wiki/Requiem_(Rutter)) (дата обращения: 29.10.2021).

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-39-46>

*Shpak Galina,
Candidate of Arts, Associate Professor,
Odessa National Music Academy
named after A. V. Nezhdanova, Ukraine
E-mail: galina.shpak425597@gmail.com*

“HUNGARIAN PSALM” BY ZOLTAN KODALY: TRADITION AND INNOVATION

Abstract. The article is devoted to revealing the intonational-dramatic and genre-style specificity of the "Hungarian Psalm" by Z. Kodaly, which was formed on the basis of the original synthesis of the archaic (pentatonic) traditions of Hungarian song and verbunkos, and the stylistic searches of the European musical and historical tradition of the early twentieth century, including poetics musical expressionism and stylistic qualities of C. Debussy's music.

Keywords: choral works by Z.Kodaly, "Hungarian Psalm" by Z.Kodaly, verbunkos, Hungarian music, Hungarian folklore.

*Шпак Галина,
кандидат искусствоведения, доцент,
Одесская национальная музыкальная академия
имени А. В. Неждановой, Украина
E-mail: galina.shpak425597@gmail.com*

«ВЕНГЕРСКИЙ ПСАЛОМ» ЗОЛТАНА КОДАЯ: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению интонационно-драматургической и жанрово-стилевой специфики «Венгерского псалма» З. Кодая, формировавшейся на основе оригинального синтеза архаических (пентатонных) традиций венгерской песенности и вербункоша, и стиливых исканий европейской музыкально-исторической традиции начала XX века, в том числе поэтики музыкального экспрессионизма и стиливых качеств музыки К. Дебюсси.

Ключевые слова: хоровое творчество З. Кодая, «Венгерский псалом» З. Кодая, вербункош, венгерская музыка, венгерский фольклор.

Английский дирижер Артур Блисс однажды заметил: «В музыке голос Кодая – это голос Венгрии» [цит. по: 15, С. 7]. Золтан Кодай (1882–1967, Kodály Zoltán) – выдающийся венгерский педагог, музыкант, композитор, фольклорист, публицист и общественный деятель, оказав-

ший влияние на развитие венгерской музыки XX века. Его можно назвать основателем современной венгерской композиторской школы и системы музыкального образования Венгрии на разных уровнях, затрагивающей одновременно вопросы развития музыкальной культуры,

возрождение интереса к традиционной венгерской музыке.

Отечественная библиография, посвященная многогранной личности З. Кодая, сравнительно невелика. Она представлена монографией И. Мартынова [7], охватывающей все периоды творческой и фольклористской деятельности данного автора. Интерес вызывает также монография-альбом Ласло Эссе «Жизнь Золтана Кодая в фотографиях и документах» [15], содержащая не только обобщение относительно поэтики творчества данного автора, но и конкретные документальные материалы, связанные с его творческой биографией.

Следующим существенным источником в изучении творческих идей и наследия композитора можно считать публикацию его статей и книг. Среди них имеют место как обзоры истории венгерской народной музыки [4], так и работы, посвященные вопросам национального музыкального образования, жанрово-стилевым оценкам творчества композиторов прошлого и современности, выявляющих в совокупности его творческие предпочтения [5; 6].

Более подробно, начиная с советских времен, осыщена педагогическая деятельность З. Кодая, принципы его музыкально-педагогической системы. Данной теме посвящены практически все статьи сборника «Музыкальное воспитание в Венгрии» [8], а также публикации Л. Добсаи [3], Э. Сёни [10], Л. Баренбойма [1], С. Човрий [13] и др. Особый интерес вызывают материалы диссертации А. Уткин [12], предметом внимания которой выступают «теория и практика реализации музыкально-педагогической концепции З. Кодая в современной школе».

Вместе с тем, творческое наследие З. Кодая, в частности его хоровые композиции, в том числе и «Венгерский псалом», пока не стали предметом исследовательского интереса в украинском музыкознании. Востребованные в современной вокально-хоровой исполнительской практике,

они и ныне нуждаются в обобщениях искусствоведческого и историко-культурологического порядка, что и обуславливает актуальность темы представленной статьи.

Цель работы – выявление поэтико-интонационной уникальности «Венгерского псалма» З. Кодая в русле жанрово-стилевых исканий венгерской культуры первой половины XX века. Научная новизна статьи определена тем, что в ней впервые представлено обобщение поэтики «Венгерского псалма» З. Кодая в контексте формирования жанрово-стилевых и духовно-этических установок венгерской национальной композиторской школы указанного периода.

Биографы З. Кодая неоднократно отмечали, что он воспитывался в глубоко религиозной семье, был учеником Главной архиепископской гимназии города Надьсомбат. Здесь он познакомился с античной классической философией и христианским мировоззрением. В гимназии он также учился игре на скрипке, виолончели, фортепиано, позже на альте и органе, играл в оркестре и пел в хоре. Уже в годы учебы З. Кодай активно занимался самообразованием, в том числе и композиторской практикой, изучал греческий язык и латынь. Предметом его большого интереса была Библия, а также григорианский сборник *Graduale Romanum*, включавший католический церковно-певческий обиход различных эпох.

Все эти впечатления детства, юности во многом определили духовные и жанровые интересы З. Кодая, что отразилось на всей его творческой деятельности и жанрово-стилевых предпочтениях, ориентированных не только на оригинальный венгерский фольклор, но и на церковно-певческую традицию во всем разнообразии ее жанровых проявлений. Л. Эссе отмечал: «Как бы глубоко ни коренилось творчество Кодая в народных песнях, эти песни все же были не единственным, а только главным определяющим его фактором. Творчество Кодая миллионами нитей связано с большими явлениями истории европейской музыки:

с грегорианским хоралом, с Палестриной, Бахом, с мастерами-классиками, с романтиками и, в первую очередь, с Дебюсси. Большая роль, отводимая в его произведениях модальным звукорядам, напоминает о средневековом одноголосном литургическом пении, а полифоническая ткань его хоров родственна музыке Палестрины. Блокообразная конструкция больших хоровых произведений, их барочная окраска близки Баху, а в мастерском построении формы, свидетельствующей о чудесном чувстве пропорций и равновесия, возрождается дух венского классицизма» [15, С. 9].

Выделенные жанрово-стилевые предпочтения творчества З. Кодая нашли запечатление и в его духовных хоровых композициях («Венгерский псалом», «Te Deum», «Missa brevis» и др.), сосредоточенных на оригинальном симбиозе поэтики духовных хоровых жанров и ладово-интонационной специфики древнейших пластов венгерского архаического фольклора. Подобно Ф. Листу, З. Кодай воплотил в своем хоровом творчестве базовые позиции «венгерской национально-религиозной идеи», обобщенные Г. Шпак следующим образом: «ярко выраженное стремление к сохранению национальной самоидентичности и единению нации при одновременной открытости иным национальным культурам; следование историческому опыту толерантного (на этапе оформившейся государственности) сосуществования венгров с иными народами в рамках многонационального государства, обобщенному также в эволюции понятий «нацио Хунгарика» и «венгерская нация»; принципиальная веротерпимость по отношению к различным христианским конфессиям, составлявшим на протяжении многих столетий духовный базис венгерской культурно-исторической традиции [14, С. 34]. Подобного рода духовно-эстетические и этические установки были близки и З. Кодая, который в одной из своих статей в начале XX века писал: «Одну руку мы протягиваем восточным народам, другую Баху и Палестрине» [цит. по: 9, С. 120].

Творчество З. Кодая достаточно многообразно. Базовые периоды его деятельности отмечены интересом к разным жанровым сферам, что выявляет его авторские предпочтения. Так, в первые два десятилетия XX века композитора больше всего привлекают камерные вокальные и инструментальные жанры (кроме оркестровой пьесы «Летний вечер»). 1923 год как рубежный в творческой биографии З. Кодая отмечен появлением «Венгерского псалма», в котором автор обратился к монументальной ораториальной композиции. В 20-е годы его занимали главным образом духовные хоровые жанры и опера, тогда как в 30-е годы приоритетными сферами стала симфоническая и хоровая музыка.

Духовно-хоровое наследие З. Кодая в полной мере отразило кульминационные моменты творческого пути композитора, поскольку именно в эти периоды автору удалось наиболее полно осуществить синтез национальных венгерских духовно-певческих и фольклорных традиций, что обнаруживает глубину воплощения в нем «венгерской национально-религиозной идеи».

В конечном счете Золтан Кодай ныне широко известен как видный деятель не только венгерской, но и мировой музыкальной культуры XX века. Композитор, фольклорист, педагог – он являл собой универсальную творческую личность ренессансного типа. Однако вся его творческо-педагогическая деятельность была подчинена главной цели – духовно-эстетическому и нравственному воспитанию венгерской нации на основе лучших традиций не только мировой музыки, но, прежде всего, возрожденного венгерского фольклора и богослужебно-певческой практики. Сказанное проявилось в его хоровом творчестве, представленном как ораториальными композициями («Венгерский псалом» «Te Deum»), так и мессой («Missa brevis»).

Оратория «Венгерский псалом» – одно из рубежных произведений З. Кодая, ознаменовавших наступление творческой зрелости композитора.

Кроме того, премьера данного опуса и его последующие триумфальные исполнения в крупнейших музыкальных центрах Европы начала XX века свидетельствовали о признании творческого гения З. Кодая.

В начале 20-х годов венгерские власти обратились к трем композиторам с предложением написать музыку для торжественного концерта по случаю 50-летия объединения Буды и Пешта. В 1873 году эти две ранее самостоятельные части венгерской столицы, расположенные на противоположных берегах Дуная, составили единое целое – Будапешт. Первоначально З. Кодай предполагал написать оркестровое произведение на основе народных тем. Но когда он узнал, что Б. Барток уже работает над «Танцевальной сюитой» с аналогичным замыслом, то отказался от этой идеи и обратился к поэзии протестантского автора XVI века Михая Кечкемети Вега [16], на слова которого создал летом 1923 года знаменитый «Венгерский псалом» – ораторию для солиста (тенор), хора и оркестра.

«Венгерский псалом» был впервые исполнен 19 ноября 1923 года, в торжественной обстановке, вместе с упоминавшейся выше «Танцевальной сюитой» Б. Бартока и Увертюрой Э. Донаньи. «Успех оратории превзошел все ожидания композитора: еще совсем недавно реакционная пресса преследовала его, отказывая ему даже в творческой самостоятельности, а теперь сравнивала с Бахом и даже объявляла “Венгерский псалом” величайшим произведением венгерской музыки за все время ее существования» [7, С. 62]. Впервые за пределами Европы оратория прозвучала в Цюрихе 18 июня 1926 года. Именно после этого выступления о З. Кодае, как о композиторе узнал весь мир и признал его также выдающимся этномузыкологом.

«Венгерский псалом» – одно из наиболее монументальных и значимых произведений З. Кодая. Оно глубоко патриотично по своему содержанию и национальному характеру. В основу его и поло-

жен переработанный текст 55 (в православной систематизации – 54) псалма Давида в поэтическом переводе венгерского протестантского проповедника XVI века Михая Кечкемети Вега. Отметим при этом, что в данной духовно-поэтической версии библейского первоисточника его содержание было в определенной степени переосмыслено и фактически спроецировано на трагические исторические реалии Венгрии обозначенной эпохи.

Современный венгерский музыковед Й. Уйфалуши, комментируя подобные духовно-исторические аллюзии, показательные для данного произведения, отмечает следующее: «Не случайно Кодай взял слова для своего Псалма из поэмы XVI века, одного из самых трудных веков венгерской истории. Страна была разделена между Габсбургами, Турцией и Трансильванским княжеством. Народ испытывал невиданные страдания. Народные проповедники в духе библейских пророков бичевали погруженных в роскошь и разврат притеснений и умоляли Бога об освобождении» [11, С. 122].

Развивая далее мысль о подобных исторических параллелях и аналогиях, цитируемый автор уже в другом своем исследовании проецирует их и на творческую судьбу самого З. Кодая. «Зная Голгофу Кодая, оскорбления, которым он подвергался, можно было бы предположить, что в словах Псалма излились его личные чувства. Но его возмущение было не только субъективным, это обвинительный голос всего народа. Он выступал перед всеми как историческая судьба, сочетался с летописцем XVI века и со своей страной, снова оживал в нищете и притеснениях вековой древности» [цит. по: 7, С. 64].

В то же время, музыка «Венгерского Псалма» также символически отражает и события, которые происходили в стране во время Первой мировой войны (разделение исторической Венгрии), а словесный текст проводит параллель между скорбями царя Давида и страданиями мадьяр в Османской

Венгрии. Благодаря этим аллюзивным сочетаниям произведение охватывает два с половиной тысячелетия истории бытия страны, приобретая, одновременно, при этом внеисторические качества выражения.

Конечно, эпико-драматическая концепция «Венгерского псалма» не могла вырасти только на личной почве. Переживания композитора внесли в нее страстность и горячность, глубоко субъективное начало, сливающееся с общенациональным героико-патриотическим качеством.

С другой стороны, на создание оратории З. Кодая значительно повлияло углубленное исследование им венгерского архаического фольклора. Й. Уйфалуши указывает на один из возможных источников вдохновения З. Кодая – эпическую песню, записанную им в одном из буковинских селений еще в 1914 году и опубликованную через семь лет в статье «Песня Аргируса», а также на исторические песни Тиноди Шебештьена, что согласуется не только со стилистическими особенностями оратории, но и с постоянным стремлением Кодая продолжить нить исторического развития национальной культуры» [см. об этом подробнее: 11, С. 122].

Подобного рода опыт соотношения в поэзии и музыке трагических судеб своего народа с сакральной библейской историей показателен не только для венгерской культуры, но и для национальной картины мира других народов Европы, в том числе и украинского. Так псалмовая поэзия стала источником вдохновения, например, для Т. Шевченко, мыслившего историю своего народа, особенно в период общения с представителями «Кирилло-Мефодиевского братства», именно в библейских категориях [см.: 2]. Подобного рода опыт нашел оригинальное воплощение и в хоровых кантатах Н. Лысенко, большинство из которых опять же апеллирует к духовной поэзии Т. Шевченко.

Возвращаясь к «Венгерскому псалму» З. Кодая отметим, что обращение композитора к по-

эзии Михая Кечкемети Вега было связано и с филологическими интересами З. Кодая (учитывая разносторонность его образования) и его глубокой симпатией к поэту, который «посвятил себя служению народа и оплакиванию его страданий» [цит. по: 7, С. 65]. Сам характер музыки говорит о проникновении в сущность творения поэта-проповедника и духе его времени. Стихи отлично сочетаются с интонациями старинных крестьянских песен, искусно развитых композитором. Строгим является и приподнятый характер этой монументальной оратории, точно высеченной из гранитного монолита. Ее пропорции грандиозны, и, вместе с тем, партитура отличается той тщательностью разработки, которая всегда была присуща З. Кодая.

«Венгерский псалом» З. Кодая представляет собой масштабную рондальную композицию с шестью эпизодами, в которой выделяются два раздела. Их смысл во многом определен спецификой поэтического текста. По словам Л. Эссе, «первая – траур, вторая – мольба <...> Кульминационным пунктом первой части является проклятие поэта («Горькая смерть...»), этот потрясающий эпизод, звучащий во внезапной тишине и пугающий, отчаянным призывом одинокого голоса – без сопровождения оркестра. Кульминация второй части – мольба сплоченного народа («Возвысишь...»), консонантный гимн, исполняемый смешанным хором при полном звучании всего оркестра. Эти два симметрично расположенных кульминационных пункта, отличающиеся, однако, “противоположным знаком”, как две опорные колонны обеспечивают устойчивость всей конструкции и одновременно создают полную гармонию между требованиями формы и содержания» [15, С. 14].

Начало «Венгерского псалма» – небольшая оркестровая интродукция. Патетически звучит переключка медных (четыре валторны, поддержанные трубами и тромбонами) с массивом скрипок, дублированных голосами трех флейт и двух

фаготов. Мелодия представлена на тревожном фоне, создаваемом трелями альтов, разделенных на четыре партии, что дает им возможность имитировать эффект полнзвучного tutti, и тремоло литавр на VI ступени основной тональности.

Вступление воспроизводит глубоко экспрессивный образ плача, связанного с ключевой идеей 55 (54) псалма, сосредоточенной на переживании несправедных гонений, предательства и страдания. Сказанное обуславливает «панорамный» характер данного инструментального раздела, охватывающий огромный звуковой диапазон и отличающийся яркой динамикой. Ключевая интонация – нисходящая секунда, представленная в виде драматизированного lamento, дополненного национальным «знаком» – «обратным пунктиром», характерным для стиля «вербункош».

Данное экспрессивное введение непосредственно предваряет хоровой рефрен оратории (цифра 2). Ее главная тема овевана духом старины. Она представлена в виде неспешно разворачивающейся эпической мелодии альтов и басов, поющих в октавном удвоении. В ее интонациях ясно ощутимы связи с крестьянскими песнями, очевидные, прежде всего, в ярко выраженной *пентатонной* основе. В подобном изложении ощутимо также влияние церковно-певческой практики. Как уже отмечалось ранее, для З. Кодая данные традиции были напрямую связаны друг с другом. По его словам, «все мелодии нашего богатейшего запаса [то есть венгерского фольклора] изначально одноголосны, как григорианские хоралы, как всякая восточная музыка» [6, с. 130].

Первое вступление тенора – мольба о защите от врагов – вносит в музыку глубоко субъективную интонацию. Контраст создается противопоставлением хорового и сольного звучаний и характером самой мелодики, в которой широко используются *кварттовые* интонации, опять-таки показательные для венгерского фольклора. Неоднократно повторенная квинтовая интонация сближает данное соло и с церковно-певческой

традицией. Возврат хорового рефрена (цифра 8) отличается более динамичным характером, усиленным активизацией оркестровой партии, сконцентрированной на образе плача.

Отметим, что последний является определяющим в тематизме первого раздела оратории. Особую выразительность он приобретает в эпизоде хорового вокализа (цифра 12), где его мелодическая линия существенно усилена терцовыми дублями. Последующее «нагнетание» этого качества закономерно приводит к кульминации (цифра 14), в рамках которой хоровой рефрен практически скандируется хором и оркестром на *ff*, вызывая ассоциации с аналогичными хоровыми сценами опер М. Мусоргского, в частности, «Бориса Годунова». Хоровая кульминация дополняется указанной ранее сольной кульминацией тенора без участия оркестра («Горькая смерть...») (цифра 20). Призыв наказать врагов передан восходящей интонацией, резко отличающейся от нисходящих ходов, преобладавших ранее в партии солиста.

Возвращение тематизма оркестрового вступления к оратории, усиленного теперь хоровым вокализом с последующим спадом динамики, выполняет функцию своеобразной варьированной репризы первого раздела произведения, придавая ему черты завершенности.

Далее, вместо ожидаемого рефрена рондо, звучат арпеджированные аккорды арф, сопровождающиеся *pizzicato* струнных, и парящая в высоком регистре мелодия солирующей скрипки, ассоциируемой с лучом солнца, пробивающимся сквозь туман и освещающим страдающую землю. Оркестровка данного эпизода отличается яркостью и колоритностью: к арфам и *pizzicato* вторых скрипок и альтов добавляются пассажи восходящих квартсектаккордов, исполняемые тремя флейтами и дублирующими их первыми скрипками. Все это подводит к вступлению тенора, поющего о духовном уповании на Бога. В партии появляются новые интонации, отмеченные

использованием широкой интервалики. Эпизод завершается прозрачными аккордами арф, трелями скрипок и восходящей мелодической фразой скрипки соло. Данный темброво запечатленный «образ света», во многом напоминающий страницы музыки К. Дебюсси, фактически подготавливает переход к финалу, который венчает монументальную партитуру «Венгерского псалма».

Andante con moto начинается торжественным звучанием главной темы, представленной теперь в поступательно-маршевой двудольной метрике, интонируемой хором, партия которого удвоена гобоями, кларнетами и валторнами. Это вносит в эпическую мелодию оттенок жесткости и волевой решительности. Луч надежды, мелькавший в музыке предыдущего эпизода, разгорается ярким светом в гимнических звучаниях данного раздела оратории, ассоциируемого с ее финальной частью.

Показательно, что она также выделена яркой кульминацией (цифра 36), в рамках которой тематизм рефрена оратории, представленный в Ля мажоре, приобретает гимнический, триумфальный славословный характер, предваряя интонационно-фактурную специфику другой хоровой композиции З. Кодая – «Te Deum». Однако, «Кодай отказывается от эффектного <...> решения: закончить вторую кульминацию торжественными аккордами видения-апофеоза. Он возвращается на почву реальной действительности, тем самым еще раз провозглашая единство жизни и искусства» [15, С. 14].

В завершении оратории, дойдя до обозначенной кульминационной вершины, музыка спускается к мощному, постепенно затухающему унисону оркестра, направленному к низкому басовому звуку «ми» (доминанта основной тональности). А из него возникает суровый эпический напев рефрена оратории в своем первоначальном виде – хор, дублированный контрабасом соло. «Спокойное течение мелодии, устранившее напряженность событий и уводящее вдаль

времен, завершает музыкальный рассказ в торжественно поэтическом тоне. В последний раз тенора повторяют основную интонацию темы, ее подхватывает виолончель соло и контрабасы. В конце все замирает в неподвижности квинтового звучания басового регистра струнной группы» [7, С. 75].

Таким образом, «Венгерский псалом» представляет собой монументальную ораториальную композицию, созданную к юбилею объединения Буды и Пешта и аллегорично соотносимую в том числе и с идеей единения венгерской нации. Текстовой основой произведения послужил литературно-поэтический перевод 55 (в православной традиции – 54) псалма, осуществленный в XVI веке известным венгерским протестантским проповедником Михаем Кечкемети Вегом. Присущий ему тонус «молитвы-надежды» выявляет не только характерные качества «венгерской национально-религиозной идеи», но и столь показательное для Венгрии видение национальной истории сквозь призму библейских аналогий. Поэтика «Венгерского псалма» З. Кодая – Михая Кечкемети Вега вызвала в сознании современников аллюзии-ассоциации широкого исторического спектра, в рамках которых образ надеющегося на Бога страдающего и молящегося царя Давида вызвал аналогии как с трагическими историко-политическими реалиями XX начала века, так и с творческой судьбой самого композитора, отстаивавшего в условиях жестокого противостояния идею возрождения традиций национального искусства. Интонационный язык данной оратории сформирован на основе оригинального синтеза архаических (пентатонных) традиций венгерской песенности и вербункоши, к которым была причастна фольклористская деятельность З. Кодая, и жанрово-стилевых поисков европейской музыкально-исторической традиции начала XX века, связанных с поэтикой музыкального экспрессионизма и стилиевых качеств музыки К. Дебюсси.

Список литературы:

1. Баренбойм Л. О музыкальном воспитании в Венгрии. Музыкальное воспитание в Венгрии. – М.: Советский композитор, 1983. – С. 5–40.
2. Даниленко І. Біблійні жанри і концепти в поезії Тараса Шевченка. Київ: Видавничий дім «Києво-Могилянська академія», 2017. – 144 с.
3. Добсаи Л. Метод Кодая и его музыкальные основы. Музыкальное воспитание в Венгрии. – М.: Советский композитор, 1983. – С. 41–63.
4. Кодай З. Венгерская народная музыка; [пер. с венг. Э. Т. Владимировой]. – Будапешт: Корвина, 1961. – 186 с.
5. Кодай З. Избранные статьи. – М.: Советский композитор, 1982. – 288 с.
6. Кодай З. Мой путь к музыке (фрагменты из книги). Советская музыка. – № 12. 1982. – С. 129–130.
7. Мартынов И. И. Золтан Кодай: монография. – М.: Советский композитор, 1970. – 255 с.
8. Музыкальное воспитание в Венгрии / (ред.-сост. Баренбойм Л. А.) – М.: Советский композитор, 1983. – 400 с.
9. Сабольчи Б. Золтану Кодаю – 80 лет. Советская музыка. – № 12. 1962. – С. 118–120.
10. Сёни Э. Некоторые стороны метода Кодая. Радиодискуссия по вопросам музыкального воспитания и обучения. Музыкальное воспитание в Венгрии. – М.: Советский композитор, 1983. – С. 140–180.
11. Уйфалуши Й. Рождение шедевра. Советская музыка. – № 12. 1962. – С. 121–125.
12. Уткин А. С. Теория и практика реализации музыкально-педагогической концепции З. Кодая в современной школе: дисс. ... канд. педагогических наук: 13.00.02 – теория и методика обучения и воспитания (музыка) / Московский городской педагогический университет. – Москва, 2019. – 291 с.
13. Човрій С. Ю. Музично-педагогічна концепція Золтана Кодая. Науковий вісник Ужгородського національного університету. Серія: Педагогіка. Соціальна робота. – Вип. 23. 2011. – С. 204–206.
14. Шпак Г. С. Венгерская национально-религиозная идея в хоровом творчестве Ф. Листа: дисс. ... канд. искусствоведения: 17.00.03 – Музыкальное искусство / Одесская государственная музыкальная академия имени А. В. Неждановой. – Одесса, 2012. – 230 с.
15. Эсе Л. Жизнь Золтана Кодая в фотографиях и документах. – Будапешт: Корвина Пресс, 1982. – 172 с.
16. Mihaly Veg. URL: https://hymnary.org/person/Veg_Mihaly/ (дата обращения: 27.01.2022).

Section 3. History and archaeology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-47-53>

Alice Liu,
Westminster School, Current Student
at Westminster School, Connecticut
E-mail: aliu23@westminster-school.org

Betty Wang,
Institution: Ivy Analytics LLC
E-mail: betty.wang@ivymind.org

DONA MARINA: THE CONDUIT OF COMMUNICATION BETWEEN THE SPANISH COLONISTS AND THE MESOAMERICANA PEOPLE

“Without the help of Doña Marina we could not have understood the language of New Spain and Mexico”
– Bernal Díaz del Castillo, *Historia Verdadera De La Conquista De La Nueva España*, 1568

Abstract. This paper will examine the critical role that Doña Marina played as a linguistic and cultural conduit between the Spanish conquistadors and the Mesoamerican people during the Spanish Conquest of the Aztec Empire. This paper investigates her involvement in three key encounters between the Spanish and the Mesoamericans that shaped the outcome of the conquest: the negotiation at Tlaxcala, the circumvention of an ambush plot at Cholollan, and success in persuading the Aztec emperor Moctezuma II to accept captivity at Tenochtitlan.

Keywords: Communication, Translation, Spanish Conquest, Doña Marina.

Introduction

The success of the Spanish conquest of the Aztec Empire is often attributed to the Spaniards' superior military strength and the spread of smallpox among the indigenous people. However, the Spanish were also successful because of the communication and understanding they achieved with the Mesoamerican people through their Nahuatl interpreter, Doña Marina. In the meeting between the western and eastern hemispheres during the Spanish conquest,

Doña Marina's linguistic and diplomatic abilities made her a uniquely powerful individual. With excellent diplomatic skills and mastery of Nahuatl, Chontal Maya, and later Spanish, the communication and understanding she forged between the Spaniards and the indigenous people were crucial to the Spanish success. Her role as interpreter and intermediary aided the conquest in three ways: the integration of military troops, the circumvention of destruction, and the maintenance of security. At Tlaxcala, she was

the key for Cortés and the Tlaxcaltec chiefs to understand each others' intentions. This understanding facilitated the integration of Spanish and indigenous armies, which was crucial to the success of the Spanish conquest. At Cholollan, her diplomacy permitted the Spaniards to obtain knowledge of the indigenous people's ambush plot and thus avoid destruction. At Tenochtitlan, Doña Marina's diplomatic speeches permitted the Spaniards to feign friendliness with Moctezuma II and convey the knowledge of the Spaniards' military power. The understandings assisted the Spaniards to convince Moctezuma II to peacefully consent to imprisonment. The captivity of the Aztec monarch permitted the Spaniards to maintain their security. Bridging communication and understanding between the Spaniards and the indigenous people, her linguistic and diplomatic skills shaped the outcome of history.

Malinal Tenepal

Leaving no written records herself, Doña Marina's life is documented solely by the Spanish and indigenous people of Mexico [12, 4].

Born around 1505 in the Nahuatl-speaking village of Viluta, Coatzacoalcos, Doña Marina is believed to have been given the name Malinal after the Nahuatl sign corresponding to her day of birth – "Malinalli" [1, 15]. Her family name is recorded as Tenepal [13, 302]. The daughter of an Aztec chief, she lived a privileged and educated life before her father's death. Her early life perhaps explains her mastery of *tecpillahtolli*, the highly indirect, formal speech of Mesoamerican nobility [18, 98]. After the death of her father, her mother remarried and gave birth to a son. To secure her half-brother's inheritance, Malinal's mother sold her into slavery and claimed that she had died. During her captivity, she went to Xincalango and learned Mayan.

Becoming Doña Marina

In March 1519, after sailing through Cuba, Cozumel Island, the Caribbean coast of Yucatan, then rounding the peninsula and coming down the side Gulf of Mexico, Cortés landed at Tabasco. There, the

Spaniards and the Maya engaged in battle. However, the Maya, disadvantaged by Spanish horses and weaponry, decided upon reconciliation. To appease the Spanish, Mayan chiefs sent gifts to Cortés, including twenty Indian women, among them Malinal, who was baptized in March 1519 under her new Christian name, Marina.

Marina's utility became evident during the Spaniards' encounter with the indigenous people at San Juan de Ulua. The native people spoke Nahuatl; however, Cortés's translator at the time spoke only Spanish and Yucatec Maya [24, 41]. When Moctezuma's messengers arrived, his translator was not able to understand their message for Cortés. Marina, who was present, revealed her understanding of Nahuatl. Gomara, Cortés's secretary and biographer recorded that, when Marina's ability to converse in Nahuatl was recognized, Cortés promised her "more than her liberty" in exchange for her help communicating with the indigenous people [16, 56]. Marina agreed. Recognizing her contributions, the Spaniards soon attributed the honorific title "Doña" to her.

Forging Military Alliance at Tlaxcala

In September 1519, the Spaniards arrived at Tlaxcala. After weeks of battle, during which the Spaniards had gained the upper hand, the two sides met formally to negotiate.

During the meeting, Xicotencatl the Elder, the Tlaxcaltec chief, spoke Nahuatl. Doña Marina participated in a complex translation cycle: Xicotencatl spoke to Doña Marina in Nahuatl, Doña Marina then translated from Nahuatl to Chontal Maya, a Spaniard then translated from Chontal Mayan to Spanish [18, 77]. The cycle was then reversed. Through this cycle, Cortés learned that Tlaxcala was in constant war with the Aztec Empire, while Xicotencatl discovered Cortés's intention to conquer the Aztec Empire. For the Xicotencatl, allying with Cortés would bring two benefits – the end of Tlaxcala's subjugation to the Aztec Empire and the opportunity to punish their former ally, the Cholollan, for aligning with the Aztec Empire [19, 80]. Exploiting this knowledge of

Tlaxcala's rivalry with the Aztec Empire, Cortés was able to negotiate a military alliance with Tlaxcaltec chiefs Xicotencatl the Elder. In exchange for helping the Spanish conquer the Aztecs, the Tlaxcaltecs were promised that they would retain their lands and remain exempt from taxes [17, 188]. A coalition of Spanish and Tlaxcaltec troops was thus established.

The Spanish army, consisting of only 508 men, was greatly bolstered by the addition of as many as 6,000 Tlaxcaltec warriors [19, xvi]. Rather than being simply a Spanish conquest of the Aztec empire, the victorious army is better understood as a united Spanish and indigenous force, which would not have been possible without Doña Marina forging communication between Cortés and the Tlaxcaltec leaders.

Her significance as an intermediary during the negotiation is reflected in multiple surviving artworks of Tlaxcala. Illustrations in *Lienzo de Tlaxcala* depict Doña Marina wearing Spanish shoes with native huipilli – a garment worn by upper-class Tlaxcaltec women that look similar to a tunic – and cueitl – a long wraparound skirt worn underneath the huipilli 3, 366–367]. The combination of Spanish and native costumes signifies her role as the intermediary between nations. Decorated with patterns of small dots or squares on the hem, her native huipilli and cueitl signify prestige in Tlaxcala. Additionally, the size of her depiction affirms the significance of her role. Depicted next to Cortés, she is either equal to or larger than him in size. This rendering is especially notable since, in the 1500s, women assumed a secondary position in both Aztec and Spanish societies. This depiction emphasizes the Tlaxcallan's recognition of the dual leadership of both Cortés and Doña Marina [18, 83]. Díaz notes that the Tlaxcaltecs even referred to Cortés as “Malinche,” meaning Marina's Captain [10, 176].

Circumvention of Destruction at Cholollan

The Spaniards and their new allies the Tlaxcaltec continued their journey towards Tenochtitlan, but intending to punish the Chololtecas, the Tlaxcaltecs directed the coalition of troops to Tenochtitlan via

Cholollan [26, 81]. Although the arrival at Cholollan brought the Spaniards closer to Tenochtitlan, it also provided Moctezuma with an opportunity to stage an ambush against them with his Cholollan allies.

Doña Marina displayed her diplomatic skill by winning the trust of a Cholollan noblewoman who revealed details of the plot. The noblewoman urged Doña Marina to save herself by joining the Cholollans and marrying her son. Doña Marina feigned acceptance and probed the noblewoman for additional information.

Because Doña Marina was among the only people at this moment who was able to communicate between the indigenous Americans and the European colonialists, she was in a position of extraordinary power. Her words were the only source that either side had of the other and she could use this to her advantage. But she was also in a position of extreme pressure, unable to know the true motivations of either the Chololtecas or the Spaniards. An offer of marriage to the son of a chief was worth a lot, but could she be sure that it was not a trick? If the Spaniards were defeated would she become an outcast? It was these sorts of concerns that she became the conduit for, but also subject to. Ultimately, Doña Marina chose to remain with the Spaniards and she used the pretext of needing to retrieve personal belongings to return to the Spanish camp and revealed the plot to Cortés.

Informed by Doña Marina, Cortés circumvented destruction. Without her knowledge, the Spaniards were certain to meet destruction. Compared to Cortés' army of 250 Spanish soldiers and 6,000 Tlaxcaltec soldiers, the combined Cholollan and Aztec forces reached 20,000 [19, 207]. However, having obtained the information of Cholollan's plan, Cortés prevented the ambush by launching an attack on an unprepared Chololtec crowd on October 16th or 17th [22]. Along with their Tlaxcaltec allies, the Spaniards blocked the four exits to the plaza and massacred the Chololteca townspeople. As depicted in the *Lienzo de Tlaxcala*, Cortés's horrible massacre

resulted in the death of thousands of Cholollans. No Spaniards were killed [19, 208]. While the Spaniards benefited from the knowledge of the impending attack, the Chololteca townspeople experienced destruction. One-sided information led to an overwhelming advantage for one side and tragic levels of destruction for the other.

Maintenance of Security at Tenochtitlan

After successfully circumventing destruction at Cholollan, Cortés advanced into Tenochtitlan, the heartland of the Aztec Empire, in November 1519. The initial meeting between the two nations was peaceful; however, conflict soon emerged. Cortés insisted on establishing Christian iconography on a site sacred to the gods Huitzilohuitl and Tlaloc [12, 12]. Moctezuma was not receptive, but Cortés persisted, knocking down walls in the Spanish residential quarters to erect a cross and altar. Disapproving of the Spaniards' behavior, the Aztecs became less hospitable. The Spaniards became concerned for their safety and seized Moctezuma to guarantee their security.

Taking Moctezuma hostage would not have been possible without the friendly atmosphere that Doña Marina created between him and Cortés. Understanding both Nahuatl and Spanish, she translated Cortés' message to Nahuatl, permitting him to reciprocate Moctezuma's hospitality with feigned friendliness. Both the Spanish and Aztec records document Cortés as being friendly during the meeting. In Díaz's account, Cortés desired Doña Marina to express his wish to "concede the place of honor" to Moctezuma and his appreciation of "having seen such a powerful monarch face to face" [10, 222]. The Aztec record of the meeting states that Cortés told Doña Marina to "tell Moctezuma that 'we love him well and that our hearts are contented'" (Portilla 2006, 65). Assuming friendship with Cortés, Moctezuma did not anticipate the hostage plot against him. When Cortés entered his apartment Moctezuma was unprepared.

Doña Marina's diplomatic skills further aided Cortés in convincing Moctezuma to peacefully comply with captivity. Citing the ambush plot at Cholol-

lan, Cortés accused Moctezuma of treason [10, 251]. For the Spaniards to refrain from making war on the Aztecs, which he claimed would result in disaster for Moctezuma, Cortés claimed that the monarch had to be taken hostage [14, 65]. While translating this message, Doña Marina's diplomatic skills were on full display. She spoke "rhetorically, formally, high-handedly," in the manner of a cihuatecuhtli, a lady of power [24, 29]. According to chroniclers, when the emperor's courtiers "kept their eyes lowered with great reverence", Doña Marina dared to address Moctezuma directly [12, 11].

However, it would have been insufficient to simply be fluent in Nahuatl and Spanish as Moctezuma used the formal register of the court, *tecpillahtolli*. This way of speaking is difficult to understand, as it requires indirection and often asserts the opposite of the underlying message. When Moctezuma responded, he refused to capitulate. The Spaniards and their other interpreters were incapable of interpreting Moctezuma's speech. However, having spent her early years as the daughter of a cacique, Doña Marina was able to understand the emperor and was again the only person present who was able to interpret accurately for Cortés.

As the negotiation continued, tension escalated between the Spaniards and the Aztec Emperor. Unsatisfied with Moctezuma's consistent refusal, Juan Velasquez, a Spanish soldier, voiced his frustration: "He must either quietly follow us, or we will cut him down at once. Be so good as to tell him this; for on this depends the safety of our lives." Understanding only the soldier's harsh tone, Moctezuma turned to Doña Marina for translation. In Díaz's account, Doña Marina "was uncommonly shrewd" and proceeded to assist the Spaniards with "a good answer" [10, 251]. Instead of directly answering the monarch, she advised him to "make no further difficulties." Doña Marina continued to prompt his acquiescence: "I am confident they will pay you every respect, and treat you as a powerful monarch." Finally, she clarified what would happen if he refused: "they will cut you down on the spot."

By indirectly answering the question, Doña Marina avoided disclosing the Spaniards' desperation. The Spaniards were greatly outnumbered by the Aztecs; the Spaniards understood that the prospect of their defeat was high. If Doña Marina had translated the soldier's outburst directly, Moctezuma would have realized the strength of his position and would likely not have consented to hostage.

Holding Moctezuma in captivity, Cortés obtained security for the Spanish troops. Concerns over the abundance of food supplies ceased, and the Aztecs refrained from launching an assault on the Spaniards. When the Aztec nobles inquired of Moctezuma whether it would be appropriate to commence hostility on the Spaniards, the monarch commanded the nobles to "not trouble themselves any further about him [Cortés]" [10, 252]. The Aztecs obeyed, thus saving Cortés from significant military damage, as the Aztec empire was capable of mobilizing as many as 200,000 warriors [18, 47]. The Aztecs' professional training, coupled with their association of military death with honor, made them especially formidable.

Conclusion

Despite Doña Marina's singular role in the Spanish Conquest, her historical significance is often undermined. Amid the fervor for glory, the majority of Spanish chroniclers wanted to portray the Spanish conquistadors as Machiavellian soldiers who exploited the naïve indigenous people for their benefits. Bringing

attention to the assistance they obtained from Doña Marina, an indigenous woman, did not contribute to propagating the image they desired. They boosted the Spaniards' achievements, strategically excluding the voices of the vanquished – the Nahuatl, the Tlaxcaltecs, the Aztecs – who recorded Doña Marina's part in the conquest. Francisco Lopez de Gómara, Cortés's secretary during the conquest and a reputable Spanish chronicler, seldom mentioned Doña Marina's presence in his record of the Spanish conquest, although she accompanied the Spaniards since their meeting in Tabasco. In *Cartas de Relaciones*, Cortés's letters to Charles V, Doña Marina's presence in the conquest is only briefly mentioned twice. Such documentation built the foundation for a contemporary understanding of the Spanish conquest.

Although Doña Marina was the bridge of communication between the Spanish and indigenous people, which made her indispensable to the outcome of these important historical events and gave her a great deal of influence and power, ironically she was unable to communicate her own side of the story to the people who came after her. Instead, she was written out of history by the early chroniclers, and then used as a symbol or myth by later historians to further their own political ends. Her story shows the importance of communication between different groups and the importance of communication between the people of the past, the present, and the future can be.

References:

1. Adams Jerome. "Voice of the Conquest." In *Notable Latin American Women: Twenty-nine Leaders, Rebels, Poets, Battlers, and Spies, 1500–1900*, 13–27. United Kingdom: Mc Farland & Company, 1995.
2. Aguilera Elizabeth. "Malintzin as a Visual Metaphor in the Lienzo de Tlaxcala." *Hemisphere: Visual Cultures of America* 7, 2014. URL: <https://digitalrepository.unm.edu/hemisphere/vol7/iss1/4/>.
3. Aguilar-Moreno Manuel. "Daily Life." In *Handbook to Life in the Aztec World*, United States: Facts On File, Incorporated, 2006. – P. 351–178.
4. Campbell Tether A. "A Victimized Woman: La Malinche." Research Gate, 2004. URL: https://www.researchgate.net/publication/315958568_Feminist_Refiguring_of_La_Malinche_in_Sandra_Cisneros'_Never_Marry_A_Mexican
5. Candelaria Cordelia. "La Malinche, Feminist Prototype." *Frontiers: A Journal of Women Studies*, – Vol. 5. – No. 2. 1980. – P. 1–6. JSTOR. URL: <http://www.jstor.org/stable/3346027>

6. "Cortés Forces Moctezuma to Tell Aztecs to Obey King of Spain." American Historical Association. URL: <http://www.historians.org/teaching-and-learning/teaching-resources-for-historians/teaching-and-learning-in-the-digital-age/the-history-of-the-americas/the-conquest-of-mexico/letters-from-Hernán-Cortés/Cortés-forces-moctezuma-to-tell-Aztecs-to-obey-king-of-spain>
7. "Cortés Forces Moctezuma to Tell Aztecs to Obey King of Spain." American Historical Association. www.historians.org/teaching-and-learning/teaching-resources-for-historians/teaching-and-learning-in-the-digital-age/the-history-of-the-americas/the-conquest-of-mexico/letters-from-Hernán-Cortés/Cortés-forces-moctezuma-to-tell-Aztecs-to-obey-king-of-spain.
8. Dana Leibsohn and Barbara E. Mundy. *Vistas: Visual Culture in Spanish America*, 2015.– P. 1520–1820. URL: <http://vistasgallery.ace.fordham.edu/items/show/1769>
9. Del Castillo Adelaida. "Malintzin Tenepal: A Preliminary Look into a New Perspective." Rosaura Sanchez and Rosa Martinez Cruz editor, *UCLA Chicano Studies Center Publications*, 1977. Research Gate. URL: <http://www.researchgate.net/publication/293488914>
10. Díaz del Castillo Bernal. *The True History of the Conquest of Mexico*. Translated Lockhart, John. Project Gutenberg. URL: <https://www.gutenberg.org/files/32474/32474-h/32474-h.htm>
11. Godayol Pilar. "Malintzin/La Malinche/Doña Marina: re-reading the myth of the treacherous translator." *Journal of Iberian and Latin American Studies*, Routledge, 2012.– P. 61–67. Taylor & Francis Online. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14701847.2012.716645?needAccess=true>.
12. Karttunen Frances. *Between Worlds: Interpreters, Guides, and Survivors*. – New Jersey: Rutgers University Press, 1994.– P. 1–23.
13. Karttunen Frances. "Rethinking Malinche." In *Indian Women of Early Mexico*, edited by Robert Haskett, Stephanie Wood, et al.– Oklahoma: University of Oklahoma Press, 1997.– P. 291–312.
14. León-Portilla Miguel. *The Broken Spears: the Aztec account of the Conquest of Mexico*. Boston: Beacon Press, 1992. URL: <https://archive.org/details/brokenspearsa00leon>
15. Lockhart James, et al. *We People Here: Nahuatl Accounts of the Conquest of Mexico*. – California: University of California Press, 1993. URL: https://www.google.com/books/edition/Historia_de_la_Conquista_de_M%C3%A9xico/NaDH6PGkQbwC?hl=en&gbpv=0
16. López de Gómara, Francisco. *Cortés: The Life of the Conqueror by His Secretary*. – California: University of California Press, 1966. URL: <https://www.google.com/books/edition/Cort%C3%A9s/RRJVq1bxYdYC?hl=en&gbpv=0>.
17. Marks Richard Lee. *Cortés: the great adventurer and the fate of Aztec Mexico*.– New York: A.A> Knopf, 1993.
18. Restall Matthew. "The Lost Words of La Malinche." In *Seven Myths of the Spanish Conquest*.– Oxford: Oxford University Press, 2004.– P. 77–99.
19. Restall Matthew. *When Montezuma Met Cortés: The True Story of the Meeting that Changed History*.– New York: HarperCollins, 2019.
20. The Nahuas, Bernardino de Sahagún, et al. "Florentine Codex, Book 12, Ch 11." In *Florentine Codex*, edited by John Lockhart. Early Nahuatl Library. Accessed January 1, 2021. URL: <https://enl.uoregon.edu/fcbk12ch11>
21. The Nahuas, Bernardino de Sahagún et al. "Florentine Codex, Book 12, Ch 16." In *Florentine Codex*, edited by John Lockhart. Early Nahuatl Library. Accessed January 1, 2021. URL: <https://enl.uoregon.edu/fcbk12ch16>.

22. The Nahuas Bernardino de Sahagún et al. "Florentine Codex, Book 12, Ch 17." In *Florentine Codex*, edited by John Lockhart. Early Nahuatl Library. Accessed January 1, 2021. URL: <https://enl.uoregon.edu/fcbk12ch17>
23. "Tlaxcala's Reception of the Conquest, 1519." LLILAS Benson Latin American Collection at the University of Texas at Austin. Accessed January 10, 2021. URL: http://utw10890.utweb.utexas.edu/wp-content/uploads/2019/11/llilas_benson_tlaxcala.pdf
24. Townsend Camilla. *Malintzin's Choices: An Indian Woman in the Conquest of Mexico*. – New Mexico: University of New Mexico Press, 2006.
25. Valdeon Roberto. "Doña Marina/La Malinche: A historiographical approach to the interpreter/traitor." 2013. Research Gate. URL: https://www.researchgate.net/publication/263591617_Doña_MarinaLa_Malinche_A_historiographical_approach_to_the_interpretertraitor

Section 4. Cultural studies

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-54-58>

*Kozlovska Maryna Victorovna,
education applicant*

Kyiv National University of Culture and Arts, Ukraine

E-mail: poisk.07@ukr.net

HOLIDAYS IN THE CONTEXT OF FORMATION OF SOCIOCULTURAL IDENTITY

Abstract. The article analyzes the main directions of research of a holiday and a festive spectacle as factors of regeneration and constitution of a person's socio-cultural identity and geographic spatial territories in local and global contexts. This requires taking into account two configurable large-scale dimensions – personal and existential (collective belonging, social cohesion, cultural identity) and territorial (identity of a particular place, in particular as a tourist destination).

Keywords: holiday, festive spectacles, sociocultural identity, place, social cohesion, intersubjective communication.

Козловская Марина Викторовна,

соискатель Киевского университета культуры и искусств, Украина

E-mail: poisk.07@ukr.net

ПРАЗДНИК И ПРАЗДНИЧНЫЕ ЗРЕЛИЩА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются основные направления исследования праздника и праздничного зрелища как факторов регенерации и конституирования социокультурной идентичности человека и географических пространственных территорий в локальном и глобальном контекстах. Это требует учета двух конфигуративных масштабных измерений – личностно-экзистенциального (коллективной принадлежности, социальной сплоченности, культурного тождества) и территориального (идентичности конкретного места, в частности как туристической дестинации).

Ключевые слова: праздник, праздничные зрелища, социокультурная идентичность, место, социальная сплоченность, междисциплинарная коммуникация.

Специфика праздничных мероприятий традиционно насыщена художественным син-

тезом творчества, созерцания и участия, а также активизацией различных ощущений – визуальных,

звуковых, телесных и т.д. Все это реализуется имманентными праздничным зрелищам средствами и отчасти универсальными принципами их организации, что акцентирует внимание в основном на художественных и технологических аспектах.

В то же время в современных исследованиях праздников, праздничных мероприятий и их составляющих все чаще ученые обращают внимание на анализ празднично-обрядовой культуры разных регионов, ее роли в регенерации и конституировании социокультурной идентичности. В том числе конкретного места, в частности в качестве туристической дестинации, а также коллективной принадлежности, социальной сплоченности, культурного тождества и соответствующих личностно-экзистенциальных измерений.

Социокультурная идентичность в субъектном (внутриличностном) понимании – это отождествление себя с тем или иным сообществом, обладающим рядом устоявшихся характеристик и атрибутов – духовно-символических, психоэмоциональных, материально-предметных и т.д., определяющих социокультурную обусловленность эмоциональных реакций и паттернов поведения.

В исследовании роли праздника и праздничных зрелищ в формировании социокультурной идентичности исследователи в основном вынуждены рассматривать последнюю как минимум в двух конфигуративных масштабных измерениях – личностном и территориальном. Такая познавательная модель основывается на ряде парадигм, обусловленных особенностями онтологического смысла бытия человека в жизненном измерении двух неотъемлемых дихотомических явлений – праздничности и обыденности. Единство которых фактически и описывает бытование человека как публичного существа, включенного в сложный организм межсубъектной коммуникации.

Недаром праздничным зрелищам по случаю официальных государственных праздников уделялось большое внимание в СССР. Ведь праздничные мероприятия достаточно действенные соци-

окультурные конструкции, с помощью которых можно достигать конкретных идеологических целей. Например, как массовые парады/демонстрации в Советском Союзе в честь празднования Дня Победы 9 Мая, годовщины Октябрьской Революции 1917 г. и т.д.

Идеологически выверенная официальная сувенирная продукция, пресса, открытки, значки, плакаты, транспаранты и т.п., как и праздничное шествие, выступления партийного руководства, музыкальное сопровождение, репортажи и интервью с участниками и зрителями демонстрации, праздничный концерт и т.д., становились во всех городах и селах СССР ежегодным своеобразным обрядово-ритуальным и пространственно-ландшафтным зрелищем, в котором основное внимание акцентировалось на четырех аспектах празднования: ключевой тематике, месте проведения, идеологической театральности мероприятия, массовости.

Так формировалась общесоветская праздничная эмоциональная атмосфера, которая в будущем должна была ассоциироваться с конкретным событием в истории страны, важном с точки зрения коллективной памяти о общем победоносном прошлом. То есть, перифразируя выводы украинского исследователя А. Мусиездова, идентичность формируется «... с помощью представлений, поэтому категория памяти в этом контексте оказывается более правильной» [4, С. 57], поскольку «... идентичность означает, в том числе, определенность и непрерывность субъекта во времени: «я нынешний являюсь тем же (хотя, возможно, и не таким же), кем я был в прошлом, и происходящие изменения со мной – это изменения, происходящие с тем же человеком» [4, С. 57]. Так память о прошлом, особенно героическом, становится наиболее значимым конститутивным элементом для формирования социокультурной идентичности, а «общность памяти» – одним из вариантов «представленного сообщества» [4, С. 58].

Кроме того, такое тесное переплетение реального времени и легендарного опыта во время

праздничного действия – это зрелище, превращающее повседневный опыт в опыт, в котором разыгрываются альтернативные образы. Справедлива позиция Ж. Бодрийера, что такие образы, как и симулякры, наделенные колдовской силой, порождают животное очарование ими, что неподвластно контролю со стороны моральных или социальных принципов, когда «... исчезают значения и репрезентация (...) нас отсекают от каких бы то не было суждений о реальности» [1, с. 64–70].

Официальные лица использовали праздничные парады как искусственную среду для демонстрации величия, стойкости и т.д., что не только символизировало единство и солидарность советского народа, но и способствовало формированию имперской общесоюзной идентичности.

Впрочем, во время массового празднования создаются образы не только сообщества, но и соответствующей территории, которая в настоящем времени превращается в совершенно непознаваемое пространство. В этом также заключается магическая сила праздничного ритуала, способствующего формированию образа территории, органично встроенного в различные формальные и неформальные социально-пространственные процессы и практики. Следовательно, праздничное зрелище придает удивительное звучание понятию «место».

Недаром для объяснения связи фестиваля и места исследователи используют следующие основные аспекты: фестиваль как место, фестиваль как место действия, фестиваль как воображаемая личность [9].

И хотя сегодня советская идеологическая «демонстрационная» практика отошла в прошлое, ей на смену пришли другие массовые праздничные мероприятия, в частности популярные карнавалы, ярмарки и фестивали разного рода. Они также предусматривают и праздничное шествие, и театральность, и массовость, и разную соответствующую теме, месту и участникам атрибутику – от костюмов до игровых, развлекательных

средств, а также угощения. Недаром общая трапеза уже давно считается средством укрепления межсубъектных связей в обществе.

Следовательно, ежегодно во время праздничных зрелищ общественные пространства поселений, преимущественно в историческом центре, трансформируются, чтобы вместить большое количество людей. Поэтому разные тактики, задействованные в создании такого временного зрелища, создают мощные территориальные образы и общественные пространства, постепенно расширяющиеся благодаря праздничному ритуалу и представлениям организаторов о необходимых условиях для его реализации [8].

Так праздничное зрелище становится масштабной силой, способствующей формированию коннотации места, в том числе как туристической дестинации, за счет обогащения его уникального ощущения [7].

Праздничный ритуал как своеобразный визуальный и пространственный рассказ действует как мощная мнемоника для территории в социальном и пространственном отношении, создает уникальный образ, обеспечивающий доступ к событиям, происходившим на конкретной территории, что, в свою очередь, формирует историю места. Так происходит налаживание связи между территорией, людьми и памятью, а праздничные мероприятия и зрелища становятся своеобразными ритуалами поддержки коллективной памяти и идентичности.

Итак, праздничные зрелища – это, прежде всего, важные общественные мероприятия, выражающие исторические традиции и предпочтения сообщества, что формируют местную общинную идентичность как ощущение и интерпретацию связи с определенной территорией. «Локальная идентичность – это характерная черта сообщества, в частности общины, которая является результатом отождествления ее членов с определенным местом физического пространства, которое имеет символическую и ценностную значимость

и специфическую культуру. Она формируется под влиянием коллективного и индивидуального опыта и взаимодействия в рамках локального сообщества» [3], – отмечает Я. Котенко. В свою очередь, самое устойчивое отождествление с определенной территорией в пределах государства становится залогом для дальнейшего формирования особой общегосударственной социокультурной идентичности.

Кроме того, в условиях коммодификации культурных практик праздничные мероприятия и зрелища становятся формами товара, приносящего в сообщество и социальные, и культурные, и экономические выгоды. Недаром их активно используют и пропагандируют не только правительство, но и местные общины, местные власти, различные организации и граждане как представители местных сообществ, расположенных в определенном месте. Так праздничные зрелища становятся популярным инструментом не только для инициирования творческого потенциала общества, но и для поощрения совместного участия его членов с целью экономического обновления территории и повышения благосостояния каждого.

Также общенациональное или региональное праздничное зрелище с помощью коллективной деятельности трансформирует среду не только глубоко материально, но и идентично-символично за счет аффективной психоэмоциональной атмосферы, которая играет существенную роль в укреплении представлений об общем историческом опыте, «национальности» события. Коллективные пространственные практики только помогают психоэмоциональному и дискурсивному влиянию [10]. Так происходит обретение жизненного смысла через формирование родства, сродства с местом, «развертывающим диапазон экзистенциальной адаптации» [5, С. 26] и ощущение своей, безопасной среды существования в рамках определенной территориальной общности.

Например, анализируя опыт участников, в частности туристов, принимающих постоянное актив-

ное участие в фестивалях, исследователи пришли к результатам, противоречащим устоявшемуся мнению о таких коммерческих памятниках нематериального наследия как о чем-то исключительно «зрелищном» или «недостовверном». Так, ряд участников фестивалей становятся постоянными посетителями, достаточно серьезно относящимися к своему участию в них. Центральную роль в понимании опыта постоянных посетителей фестивалей играет идея экзистенциальной подлинности как результат внутрилличностной и межличностной аутентичности. Она становится средством достижения обостренных телесных ощущений, самовыражения, восстановления или реконструкции ощущения желаемого «я», а также развития аутентичных межсубъектных отношений [7].

Общеизвестно, что интеракция влияет на мотивацию и социокультурную идентификацию человека. Взаимодействие людей во время праздничных ритуалов также оказывает влияние на коллективную и индивидуальную идентификацию. Но при этом такие ритуалы, выстроенные в большинстве своем институционально в процессе исторического развития, могут быть достаточно динамичны, хрупки, изменчивы, а потому гораздо лучше, когда они частично встроены в повседневные обряды. Поэтому так важна аутентификация места, с которым ассоциируется определенный жизненный опыт взаимодействия с ним во время определенных обрядов.

В то же время, ряд исследователей предупреждает, что праздничные зрелища также могут стать площадкой, на которой легко можно отыграть гегемонистские практики или в игровой форме поставить под сомнение или опровергнуть понятие идентичности, общности и принадлежности (M. Duffy). Как отмечает У. Эко, у визуальных образов действительно есть «латоническая сила», способная превращать частные идеи в общие, а с помощью визуальных коммуникаций легче проводить стратегию убеждения, которая вряд ли была бы успешной в противном случае [6].

Так, при обустройстве соответствующих территорий под популярные туристические дестинации за счет использования нематериального культурного наследия, к которому относят праздничные зрелища, возможно нивелирование национальной самобытности и привнесение стандартизованных и унифицированных культурных практик с целью расширения количества потребителей турпродукта, постепенно трансформирующей традиционную нематериальную культуру под влиянием новой системы потребительских ценностей и потребительских предпочтений. Это также может вызвать недовольство таким

положением вещей среди местного населения, которое придерживается аутентичных взглядов [2] и не считает целесообразным терять аутентичную внутреннюю ценность по манипуляторскому требованию фестивального туризма относительно формирования конкурирующих идеологий территорий.

Следовательно, праздник и праздничные зрелища (концерты, фестивали, карнавалы и др.) играют важную роль в формировании социокультурной идентичности как человека, так и географически пространственных территорий в локальном и глобальном контекстах.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Злой демон образов. Искусство кино. – № 10. 1992. – С. 64–70.
2. Карпова Г., Хорева Л. Коммодификация нематериального культурного наследия в системе услуг культурного туризма. Сервис в России и за рубежом. – Т. 10. – № 9 (70). 2016. – С. 6–14.
3. Котенко Я. Локальна ідентичність як умова розвитку об'єднаних територіальних громад (навчальний модуль). – Київ: ІКЦ «Легальний статус», 2016. – 44 с.
4. Мусієздов О. О. Три виміри міської ідентичності. Місто й оновлення. Урбаністичні студії / Представництво Фонду ім. Гайнріха Бюлля в Україні. – Київ, 2013. – С. 129–138.
5. Препотенська М. П. Буття людини мегаполісу (соціальні, культурні та екзистенціальні виміри): автореф. дис. ... д-ра філос. наук: 09.00.03. – Київ, 2015. – 37 с.
6. Эко У. От Интернета к Гуттенбергу: текст и гипертекст. URL: <http://kiev.philosophy.ru/library>
7. Kim H., Jamal T. Touristic quest for existential authenticity. *Annals of Tourism Research*. – Vol. 34. – Is. 1. 2007. – P. 181–201.
8. Krishnamurthy S. Rituals and the participation of urban form: Informal and formal image making processes City. *Culture and Society*, 2016. URL: <https://www.rc21.org/en/wp-content/uploads/2014/12/B1-Krishnamurthy.pdf>.
9. Lau C., Li Y. Analyzing the effects of an urban food festival: A place theory approach. *Annals of Tourism Research*. – Vol. 74. 2019. – P. 43–55.
10. Sumartojo S. 'Dazzling relief': floodlighting and national affective atmospheres on VE Day 1945. *Journal of Historical Geography*. – Vol. 45. 2014. – P. 59–69.

Section 5. Political science

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-59-63>

Master Dang Van Tien,

Master Nguyen Huu Hoi,

Master Dang Van Tung,

Bachelor Phung Tien Nghia,

Telecommunications University, Viet Nam

E-mail: dangvantien1977@gmail.com;

duyhoaxd.vn@gmail.com

SOLUTIONS IN MANAGING SUSTAINABLE SOCIAL SECURITY DEVELOPMENT IN VIETNAM TODAY

Abstract. In the context that the Covid-19 pandemic has been wreaking havoc on a global scale, economic recession, and unpredictable international security situation, social security has become an important pillar contribute to socio-political stability in many countries and regions around the world. Social security is one of the basic factors of the social policy system in Vietnam, which is carefully built by the Party and State and is one of the important components of development programs and strategies, aiming at stabilizing society, narrowing inequality, creating social consensus in the current development process.

Keywords: Social development management, sustainable social security in Vietnam.

Question

Social security is recorded in Vietnam's first Constitution in 1946; is guaranteed and becomes a constitutional right in article 34 of the 2013 Constitution; and is one of the country's development orientations for the period of 2021–2030. The document of the 13th National Congress of the Communist Party of Vietnam also mentions quite specifically the issues that need to be renewed – thereby determining the right position and role of social security for the development of the country, suitable with the new situation, to be the basis and conditions for people to enjoy more results of economic growth in Vietnam [1].

1. Principle issues in the management of social security development in Vietnam

The outbreak of the Covid-19 pandemic has seriously affected the socio-economic life of the country. In such a situation, a timely social security policy will support and minimize the negative impacts of the pandemic, ensuring the life and safety of labors, and executing the dual goal of fighting the epidemic as well as developing economic and social. The fact that well-designed social security contributes significantly to the development of the country; Sustainable social security development management is essentially a harmonious solution between economic growth and ensuring social security in a fair and eq-

uitable manner, for the sake of people. Any country that wants to develop quickly and sustainably must closely associate economic development management, especially economic growth, with sustainable social development and social security management.

Today, sustainable development is an inevitable trend of human society during integration, so managing sustainable social development and ensuring social security must be associated with the implementation of the Agenda 2030 for sustainable development of the United Nations, strive to soon complete the goals (17 general goals and 169 specific goals) under the 2030 Agenda. As a developing country, have middle income, in order to effectively implement the management and development of sustainable social security, building a tectonic government and bringing into full play the role of a tectonic government will meet both requirements, ensuring such contents as:: manage and develop professional skills to meet the requirements of the labor market and the demand for sustainable employment of employees; manage the development of sustainable jobs, increase incomes for workers and reduce poverty sustainably; managing the development of social insurance in accordance with Resolution No. 28-NQ/TW, dated May 23, 2018, the Seventh Conference of the 12th Central Committee of the Communist Party “On social insurance policy reform”; manage and develop social assistance in order to stabilize the life and integrate into the society for the beneficiaries of social protection; management and development of professional social work, activities of providing social services in general, social security services, and social care for social protection beneficiaries in particular [2].

2. Some solutions in the management and development of social security in Vietnam today

In the management of social development for the period of 2021–2030. Vietnam implements the socio-economic development strategy towards a harmonious combination between inclusive economic growth and social security assurance, environmental

protection is a great opportunity to develop sustainable social security. To overcome major challenges in managing and developing sustainable social security, it is necessary to develop and implement synchronously the following solutions:

Firstly, focus on promoting the construction of tectonic government to create and manage sustainable social security development in accordance with the new development period 2021–2030.

This is an important macro solution and to be successful, it is necessary to implement synchronously and drastically measures, such as high political determination, participation, and drastic action of the whole political system; research and renew theoretical thinking about the tectonic government model, with a roadmap to change from the main management model to the one that government managing on the basis of inheritance and development of key factors from the previous period, paying special attention to the superiority of the socialist-oriented market economy institution and Vietnamese culture. In which, priority is given to building a modern, effective and efficient public administration, saying no to power corruption; develop high-quality human resources in the administrative apparatus; modernize the operation of the government system, ensure that ministries, central and local functional agencies, and establishments related to sustainable social security management meet the requirements of building a tectonic government, e-government, digital government.

At the same time, create a legal framework (strategy, policy, law, program...) on ensuring the social security rights of all citizens; formulating and organizing the implementation of strategies, policies, laws, programs, etc. to ensure social security; regulate, intervene, and handle market failures for social security assurance in the context of developing a socialist-oriented market economy, the Fourth Industrial Revolution, aging population, climate change, institutional reform...; Implementing policy responses, especially creating technical barriers

in international integration, participating in global value chains, division of labor, regional and world labor markets, new generation FTAs, ... to promptly protect Vietnamese people and workers when facing risks; inspect, examine and supervise the implementation of strategies, policies, laws and social security programs [3]. Along with that, it is necessary to supplement the following functions and tasks such as: performing the leading role and orienting in ensuring the social security rights of all citizens; promote the role of patronage and support of the State in the implementation of policies and programs to ensure social security for beneficiaries, especially disadvantaged and vulnerable groups; handle the public – private relationship (State – market – society) on the basis of promoting the key and leading role of the State; expanding the participation of social partners, businesses, organizations and individuals in line with the policy of socialization of policies and programs to ensure social security and the people's efforts for self-security; create an institutional system that ensures a friendly and accessible social security system for the people, therefore, it is necessary to reform administrative procedures, build e-government, digitize and adopt activities social care service, professional social work.

Second, continue to improve the management institutions for sustainable social security development.

Continue to complete the legal system, mechanisms and policies related to the fields of society and social security in the direction of more closely combining economic policies with social policies and social security to ensure economic growth is really associated with equitable social development, ensuring social security. Adjusting, supplementing and promulgating legal documents to ensure a complete, synchronous, appropriate, effective and feasible legal framework, especially supplementing and amending the Employment Law and the Insurance Law. society, Law on the Elderly, Law on People with Disabilities; to study and form a new construction project of the Law on Social Assistance, the Law on Social Work,

the Law on Labor Relations, ... suitable for the new development period. Legalize international treaties and commitments related to ensuring social security in international integration, adapting to the problem of population aging and global climate change in the period of 2021–2030 [2].

Third, effectively develop and implement targeted programs to ensure social security for the period of 2021–2030.

The Government needs to focus on directing the implementation of Decision No. 662/QĐ-TTg, dated May 10, 2017, of the Prime Minister, “On the promulgation of the National Action Plan to implement the 2030 Agenda for the sustainable development”, striving towards the target of 17 general goals and 115 specific goals by 2030. Developing and implementing the national target program on poverty reduction and sustainable social security in the period of 2021–2025 and the period 2026–2030 [4]. This is a comprehensive program that should be built on the basis of integrating current programs on sustainable poverty reduction, employment, vocational skills development, social protection ... The State ensures real resources implement the above-mentioned policies and programs and mobilize the contributions and participation of the whole society. Strengthening the initiative of localities, socio-political organizations, socio-professional organizations, NGOs, and communities in implementing, consulting, criticizing, proposing and monitoring the implementation of these programs.

Fourth, develop and improve the quality of social service provision and social security activities.

The system of providing social services, social security, such as employment services, social care services for the beneficiaries of social protection, basic social services (health, education, culture, information, legal ...), social work services need to develop professionally and autonomously. Seriously taking care of people in the community and expanding the non-state sector (social organizations, NGOs, businesses ...) to participate on the basis of applying the

market mechanism as prescribed by law, entrustment and orders of the State in association with ensuring service quality and enhancing the socialist orientation. The State should have policies to support the development of these facilities to meet the increasing needs of the people, especially policies to support land for construction of premises, procurement of equipment of public facilities and non-public; policies to support training, fostering and developing professional skills of social work; salary policy, honoring the profession of social work; the policy on price standard for social work services close to the market so that social security service providers can be autonomous and develop; policy on entrustment of the State through signing contracts to provide public services on social security, through professional social work activities ...

Fifth, develop and enhance the role of social partners in managing sustainable social security development.

In order to promote the role of social partners and at the same time build a tectonic government, it is necessary to ensure that social partners: participate directly or indirectly with the Government in building institutions (mechanisms, policies, laws), strategies, plans and programs to ensure social security; participate in criticizing these mechanisms, policies, laws, strategies, plans and programs developed by the Government; promote the role of representatives of social groups, build and develop communities to ensuring social security for people, especially for disadvantaged and vulnerable groups; participate in providing public services on social security, basic social services as an “extension arm of the Government” to achieve the right objectives, target audience and efficiency, replicating the effective models, implementing policies and programs to ensure social security; community building and developing, diverse social organizations, suitable to people’s social security needs, in a “small government, big society”, oriented towards community development, cohesion, consensus and progress.

Sixth, to promote and improve the efficiency and quality of international integration and cooperation in

the management of sustainable social security development.

Actively participate in developing and implementing international treaties and standards of the United Nations, the International Labor Organization, the United Nations Children’s Fund, the United Nations Population Fund and the United Nations Population Fund, multilateral cooperation agreements, especially new generation FTAs, ... related to social security; take advantage of international support in terms of experience, technology, staff training and finance to increase resources together with the State and society to manage sustainable social security development.

Conclusion

Social security is one of the contents mentioned comprehensively and throughout the system of viewpoints and policies of Vietnam. The document of the 13th Party Congress continues to identify this as an important area in the country’s socio-economic development tasks [1]. Solving challenges caused by the impact of various crises, including the COVID-19 pandemic, social security development needs attention from leaders, managers, authorities, community and the people, in which, the role of scientists is very important. Governments need to work closely with each other to overcome the pandemic, restore production, and ensure the management goals of sustainable social security development.

Many new and difficult problems related to social security are being raised, it is necessary to clarify the theoretical and practical bases to build and complete strategies and policies on social security in the context of economic development, socialist-oriented market economy and international integration. Determining the right position and role of social security for the development of the country, in accordance with the reality and new situation, is the basis and conditions for people to “enjoy” more of the results from the socialism in Vietnam. Management of sustainable social security development needs to be realized through the Resolution

of the Party Congresses at all levels. At the same time, it is necessary to actively and regularly raising awareness and update knowledge on social security development for officials and party members in general, especially leaders and managers at all levels.

References:

1. Document of the 13th National Congress of Deputies, Publishing House. National Politics Truth, Hanoi, 2021.
2. Phat-trien-xa-hoi-ben-vung-va-quan-ly-phat-trien-xa-hoi-voi-su-nghiep-xay-dung-va-bao-ve-to-quooc. [Electronic resource]. URL: https://www.tapchicongsan.org.vn/web/guest/van_hoa_xa_hoi/-/2018/821643/phat-trien-xa-hoi-ben-vung-va-quan-ly-phat-trien-xa-hoi-voi-su-nghiep-xay-dung-va-bao-ve-to-quooc.aspx. (Access date 11.03. 2021) (In Vietnamese).
3. Resolution No. 15-NQ/TW, dated June 1, 2012, of the 5th Plenum of the XI Central Committee, on “Some issues on social policy for the period 2012–2020”.
4. An sinh xã hội ở nước ta: Một số vấn đề lý luận và thực tiễn. [Electronic resource]. URL: <http://www.molisa.gov.vn/Pages/tintuc/chitiet.aspx?tintucID=20941/> (Access date 23.03.2013) (In Vietnamese).

Section 6. Philology and linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-64-68>

*Kabaliants Ekateryna Petrovna,
Master in Philology, specialization
“Slavic languages and literature (translation included), the first – Russian”,
V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine
E-mail: eloveutioneverywhere@gmail.com*

*Skubachevska Liubov Olexandrivna,
Associate Professor of Chair of the History,
of Russian Literature, Philology Department,
V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine
Candidate of Philology, Associate Professor of Philology
E-mail: l.skubachevskaya@karazin.ua*

“TOUCHING THE OTHER WORLDS”: THE POETICS OF “BORDERLINE” STATES IN THE ARTISTIC WORLD OF F. DOSTOEVSKY

Abstract. The article studies the features and types of depiction of «borderline» states in the artistic world of Dostoevsky, their markers such as the diversely presented motive of paradise, as well as the plots of dream, the boundaries of life and death, the transition from a moment of time to eternity.

Keywords: Dostoevsky, paradise, dream, eternity, reality.

*Кабальянц Екатерина Петровна,
магистр филологии, Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина, Украина
E-mail: eloveutioneverywhere@gmail.com*

*Любовь Скубачевская Александровна,
кандидат филологических наук, филологический факультет
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Украин
E-mail: l.skubachevskaya@karazin.ua*

«ПРИКОСНОВЕНИЯ С МИРАМИ ИНЫМИ»: ПОЭТИКА «ПОГРАНИЧНЫХ» СОСТОЯНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ Ф. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: Исследуются особенности и типы изображения «пограничных» состояний у Достоевского, таких их маркеров, как разнообразно представленный мотив рая, а также сюжеты сна, границы жизни и смерти, перехода из момента времени в вечность.

Ключевые слова: Достоевский, рай, сон, вечность, действительность.

В творчестве Достоевского особое место занимают «пограничные» состояния «прикосновения с мирами иными», как у Алёши Карамазова, когда «тайна земная соприкасалась со звёздной» [2: XIV, 328]. Такие состояния известны издавна и назывались в разных культурах и разными исследователями по-разному: озарениями, моментами расширения сознания, просветления, эпифаниями, сатори. «Художественная функция подобных картин жизни весьма значительна и многогранна. В определенном смысле все искусство как таковое – это грандиозное сатори, потому что и об искусстве можно сказать, что это «та же жизнь, только на два вершка над землей» [6, 3]. Цель работы – охарактеризовать особенности, типы и значение «пограничных» состояний в художественном мире «Великого пятикнижия» и «Дневника писателя» Достоевского.

В. Карасев пишет о границе смерти-рождения у Достоевского [3]. Это вариант «онтологического порога». Такие «переходы» состояний переживают Маркел и Степан Трофимович перед физической смертью, Алёша – в момент внутреннего кризиса после смерти своего наставника старца Зосимы, к ним относится смерть и возрождение во сне Смешного человека. Это выборы, которые совершают герои Достоевского на пути в поиске гармонии и которые приводят к внутреннему, онтологическому умиранию и возрождению.

Исследователи показывают, что в мире Достоевского «действительность невероятна», а «правда неправдоподобна» [1, 30], и что важной темой для малой прозы «Дневника» и её публицистического окружения является «действительность идеала» [5]. Достоевский сам писал о том, что самое действительное порой предстаёт наиболее нереальным, и наоборот. Например, в заметке «Нечто о вранье» из «Дневника писателя» за 1873 г.: «Истина лежит перед людьми по сту лет на столе, и её они не берут, а гоняются за придуманным, именно

потому что её и считают фантастичным и утопическим» [2: XXI, 119], или в «Идиоте» словами Лебедева: «всякая <...> действительность <...> почти всегда невероятна и неправдоподобна <...> и чем даже действительнее, тем иногда неправдоподобнее» [13: VIII, 313].

«Пограничное» состояние со стороны может казаться «ненормальным» и «ненастоящим», и только тот, кто переживает его, не сомневается в его действительности. Происходит это из-за следа, который оставляют подобные переживания. Об этом говорит князь Мышкин, описывая свой припадок [13: VIII, 188], и похожими словами – Смешной человек о своём сне: «неужели не всё равно, сон или нет, если сон этот возвестил мне Истину? Ведь если раз узнал истину и увидел её, то ведь знаешь, что она истина и другой нет и не может быть, спите вы или живёте» [13: XXV, 109]. Такие состояния всегда «между» – между сном и реальностью, жизнью и смертью, болезнью и «здоровым» состоянием, духовным умиранием и возрождением. Характерная их особенность в том, что герой, как бы отстраняясь от реальности, одновременно ещё глубже и полнее с ней соединяется, пребывая в «странном» состоянии, становится ближе к действительности и истине, чем в «обычном», открывает именно в нём «живую жизнь».

Одним из важнейших маркеров изображения «пограничных» состояний у Достоевского является *мотив рая*, выхода за пределы «подпольного» сознания к радости и полноте жизни. «Это чувство ясное и неоспоримое, – говорит о нём Кириллов в «Бесах». – Как будто вдруг ощущаете всю природу и вдруг говорите: да, это правда <...> это не умиление, а только так, радость. Вы не прощаете ничего, потому что прощать уже нечего. Вы не то что любите, о – тут выше любви! Всего страшнее, что так ужасно ясно и такая радость» [13: X, 450]. Представляется, что рай в творчестве Достоевского является героям по-разному: как

образ-мечта, отдельный мир и как их внутреннее переживание вне времени и пространства. Однако эти варианты связаны.

Одна «разновидность» рая – образ, который можно условно назвать «раем Бытия», «золотым веком», «детством человечества», – это рай, пережитый Мышкиным в Швейцарии, а также героями из трёх снов: Версилова, Ставрогина и Смешного человека. Его обитатели подобны детям, не познавшим зла и обречённым испытать падение. Вторая «разновидность» представляет собой внутреннее состояние полноты жизни, всеобъемлющей радости и любви. К нему стремятся практически все герои романов Достоевского, даже самые заблудшие и отчаявшиеся, но испытать его дано лишь немногим. Для одних героев (Зосима, Тихон, Макар Долгорукий) оно является результатом последовательной внутренней работы. Для других – мимолётным озарением (Мышкин, Кириллов), предсмертным откровением (Маркел, Степан Трофимович, Таинственный Посетитель), осознанием после переломного момента в жизни (Алёша, Смешной человек).

Образ рая является во сне Ставрогину, Версилу и Смешному человеку в самые отчаянные моменты их жизни как напоминание о возможности в любой момент «обратиться и быть как дети». Но для Ставрогина и Версилова образ рая из сна ощущается как далёкий, потерянный и неосуществимый в действительности. Несмотря на это, он некоторым образом меняет жизнь героев: для Версилова сон явился ознаменованием «высшей идеи» – «сделать в жизни хоть одного человека счастливым практически», для Ставрогина сон предшествует явлению образа Матрёши, который с тех пор его мучает и в итоге приводит к Тихону.

Смешной человек единственный переживает вместе с жителями рая их падение. Это даёт герою живое ощущение того, что люди сами создают и выбирают рай или ад и могут перейти из одного состояния в другое: он ощущает ответственность не только за разращение жителей планеты-рая, но

и за создание «островков» рая на земле. Так, воскрешающим для образ мира, обречённого на падение, может стать тех, кто это падение уже пережил.

В заметке из «Дневника писателя» за январь 1876 г. под названием «Золотой век в кармане» объясняется, что за неискренностью, гордостью и завистью «взрослых» людей («бал отцов» [2: XXII, 12]) кроется много простодушия, веселости, добрых желаний, а «золотой век» возможен не только в прошлом и в идеальном будущем, а он всегда есть в каждом, кто захочет. Получается, что увиденные героями Достоевского образы «золотого века» соединяют их не столько с первоизданным раем, обречённым на падение, сколько с «райской» частью их самих и всех людей, которую они не замечают: «Не хмурьтесь, ваше превосходительство, при слове золотой век: честное слово даю, что вас не заставят ходить в костюме золотого века <...> а оставят вам весь ваш генеральский костюм вполне» [2: XXII, 13]. В этой заметке Достоевский сам на себя берёт роль «смешного человека», смешного именно своей верой в возможность рая на земле: «Рад, что вас рассмешил <...> А беда ваша вся в том, что вам это невероятно» [2: XXII, 13]. Для окружающих причастность героя «иным мирам» может казаться смешным или помутнением рассудка, а для переживающих подобный опыт героев – наоборот, обострением ясности видения мира, открытием истины.

Особое значение в поэтике таких состояний имеют *сны*, которые у Достоевского становятся посредниками между внутренним, душевным миром человека и иными, «фантастическими мирами» [4]. Свидригайлов определяет сущность и значение снов и видений в произведениях Достоевского: «Привидения – это, так сказать, клочки и отрывки других миров, их начало. Здоровому человеку их незачем видеть <...> и чем больше болен, тем и соприкосновение с другим миром больше, так что когда умрет человек, то прямо перейдет в другой мир» [2: VI, 221].

Помимо «райских» снов, видений «золотого века», герои Достоевского видят «страшные сны». Сны, увиденные Митей Карамазовым перед каторгой и Раскольниковым на каторге стали предвестниками духовного обновления. Образ «дитё» из Митинога сна, очень ёмкий: это и первозданное детское состояние, райская невинность «золотого века», и продолжение темы безвинно обиженных и страдающих детей, и сам обновлённый, возрождённый Митя. В его вопросе «почему они не обнимаются, не целуются, почему не поют песен радостных, почему они почернели так от черной беды, почему не кормят дитё?» [2: XIV, 457], похожем на слова Маркела в последние дни его болезни, обнаруживается огромная ценность жизни, возможность радости и любви в каждом моменте.

Интересны авторские рассуждения, появляющиеся в «Идиоте» [2: VIII, 517] и повторяющиеся в «Сне смешного человека» [2: XXV, 108] о снах, в которых фантастические и нелепые события воспринимаются естественно, как обыкновенные, при сохранении способности логически мыслить: «Вы усмежаетесь нелепости вашего сна и чувствуете в то же время, что в сплетении этих нелепостей заключается какая-то мысль, но мысль уже действительная, нечто принадлежащее к вашей настоящей жизни, нечто существующее и всегда существовавшее в вашем сердце» [2: VIII, 518]. Вероятно, эта мысль была так важна для Достоевского, потому что соответствовала его восприятию действительности как содержащей в себе много необыкновенного, но не всегда нами замечаемого.

Одной из особенностей состояния «рая на земле» является *переход из времени в вечность*, и эта тема связывается с часто встречающимся у Достоевского образом конца времён, когда наступит тысячелетнее царство праведников с Христом. Одни герои мечтают, подобно Ивану Карамазову, о конце света и в то же время не верят в него, потому что не верят в возможность достичь его здесь и сейчас, пока в мире существуют зло и страдание. Другие уже в земной жизни совершают выход за границы

времени путём обретения внутреннего света, который озаряет и боль, и страдание. О таком переходе мгновения в вечность говорят Мышкин и Кириллов в состояниях, близких к эпилептическому припадку: «Вы стали веровать в будущую вечную жизнь? – Нет, не в будущую вечную, а в здешнюю вечную. Есть минуты, вы доходите до минут, и время вдруг останавливается и будет вечно» [2: X, 188]. Можно сказать, что пространство в описании подобных состояний расширяется, а время останавливается, но пространство и время скорее выходят за свои привычные пределы, превращаясь в неизмеримые.

О расширении времени в бесконечность говорит странник Макар Долгорукий, когда Аркадий доказывал ему, что пустыничество – эгоистичная идея, и намного лучше служить на благо общества. По мнению Макара, чтобы служить людям, нужно в первую очередь наполнить своё сердце любовью, соединиться с Богом в сердце своём: «Тогда же дни и часы твои умножатся как бы в тысячу раз, ибо ни единой минутки потерять не захочешь, а каждую в веселии сердца ощутишь. Тогда и премудрость приобретешь не из единых книг токмо, а будешь с самим богом лицом к лицу; и воссияет земля паче солнца, и не будет ни печали, ни воздыхания, а лишь единый бесценный рай» [2: XIII, 311]. То есть печали закончатся не тогда, когда зло прекратится, а когда человек обретёт такую радость, которая будет сильнее их и которая подарит осознание, что «всё хорошо» (как в словах Кириллова). И только такое преображение может помочь и «общему делу», когда такие люди как Макар, Маркел, Зосима, Алёша, Смешной человек передают своё знание и живое ощущение рая окружающим.

Из присутствия вечности «здесь и сейчас» вытекает и ценность каждого мгновения как такого, в которое может произойти преображение человека: «и одного дня довольно человеку, чтобы всё счастье узнать» [2: XIV, 262], – говорит умирающий брат Зосимы Маркел. Именно этого осознания не хватает Ипполиту из романа «Идиот» в его борьбе с неотвратимостью смерти.

Исследование показало, что выходы за границы привычной действительности связаны у Достоевского с выбором, «онтологическим порогом», «такой минуткой», в конечном счете, с поиском истины. Для тех, кто пережил такое состояние, время уже остановилось, а состояние рая стало возможным в земной жизни. Сама ре-

альность у Достоевского нередко фантастична и необыкновенна, а граница между «реальным» и «нереальным» стирается, но не стирается граница между истиной и преступлением, раем и адом. В художественном мире Достоевского выходит, что, несмотря на необыкновенность и фантастичность этого факта, истина действительна.

Список литературы:

1. Баршт К. А. О «реализме в высшем смысле» и символе веры Ф. М. Достоевского // *Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*. – Pisa-Roma: Fabrizio Serra Editore, – Vo. XXIV. 2017. – С. 29–46.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Ленинград, 1972–1990.
3. Карасев Л. В. О символах Достоевского // *Вопросы философии*. – № 10. 1994. – С. 90–111.
4. Кондратьев Б. С. О мифологической природе сновидений в творчестве Достоевского // *Приволжский вестник*. – № 12 (28). – Ч. 1. 2013. – С. 101–103.
5. Поддубная Р. Н. «Действительность идеала» в малой прозе «Дневника писателя» // Поддубная Р. Н. *Современность классики: избранные труды*. – Харьков: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2015. – С. 272–290.
6. Сливицкая О. В. «Отверстия во что-то высшее»: «Война и мир» // *Вісник ХНУ імені В. Н. Каразіна. Сер.: Філологія*. – № 1080. – Вип. 69. 2013. – С. 120–127.

Section 7. Science of law

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-22-1-69-75>

Dr. Arjana Llano,
University "Ismail Qemali" Vlora, Albania
E-mail: ariana-llano@live.com

Dr. Stela Mecaj,
University "Ismail Qemali" Vlora, Albania
E-mail: stela.mecaj@univlora.edu.al

THE RIGHT TO LIFE

Abstract. The right to life is the first right to liberty and security of person, and its enjoyment is a requisite for the enjoyment of other rights. The imposition of the death penalty may involve the violation of a number of internationally guaranteed human rights. These include the right to not being arbitrarily deprived of life, and a number of specific procedural and other rights that must be respected in any case in which the death penalty is imposed. The imposition of the death penalty may also violate other rights, such as the right to not being subjected to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the right to a fair trial, just equality and non-discrimination, and freedom of thought. There are a number of national and international acts that protect the right to life. Government has a positive obligation to protect people's lives within its jurisdiction, the duty to protect people from the risk of harm from actions of public authorities.

Government must protect people's lives in terms of health care, dangerous activities and incidents on ship boards or in construction sites. It should increase public safety and minimize road accidents.

Keywords: Right to life, murder, euthanasia, positive coercion, state bodies.

1. National acts for the protection of the right to life

1.1. *The right to life is one of the fundamental rights*

The right to life is one of the fundamental rights sanctioned in article 21 of the Constitution, which explicitly states that a person's life is protected by law (Constitution of the Republic of Albania) [1]. The right to life is the first human right, the enjoyment of which is requisite for the enjoyment of other rights. It is classified in the set of rights related to the natural being, to its dignity and being. The right to life is also

enshrined in article 3 of the Universal Declaration of Human Rights, "Everyone has the right to life, liberty and security of person" [2]. The life of the person is protected by law. This conveys the guarantee for the right to life [4]. The criminal code is the most important law that guarantees and protects the right of citizens to life.

Criminal Code provides for the following sentences for offenders who commit the crime of homicide.

Intentional homicide

Intentional homicide is sentenced to ten to twenty years imprisonment.

Article 77**Intentional homicide in connection with another crime**

(Amended by law no. 8733, dated 24.1.2001)

Intentional homicide, which precedes, is associated with, conceals or follows another crime, is sentenced to no less than twenty years imprisonment.

Article 78**Premeditated murder**

(Amended by Law No. 8733, dated 24.1.2001; added words in the second paragraph by Law No. 9686, dated 26.2.2007; amended the second paragraph by Law no. 144, dated 2.5.2013)

Premeditated murder is sentenced to fifteen to twenty-five years imprisonment.

Murder committed for interest or revenge is sentenced to no less than twenty years imprisonment or life imprisonment [11].

Criminal code provides for severe sanctions for offenders who commit homicide. Article 21 asserts the intention to protect the individual from any arbitrary deprivation of life by the state, but it fails to make any affirmation in relation to the death penalty. Death penalty is not permissible by the Albanian Constitution of 1998. Constitutional Court, as the only competent body to make the final interpretation of the Constitution, has rendered this interpretation of the death penalty. It has declared unconstitutional all provisions of the Albanian Criminal Code that sanctioned the death penalty in peacetime [9]. Death shall not be regarded as inflicted in contravention of this Article when it results from the use of force which is no more than absolutely necessary. In these cases, force is used in accordance with the law. In Roman law, *pater familias* had authority over individuals under his power. He enjoyed *potestas vitae*, i.e. the right to life and death. This right meant that he could kill his own child. Justinian ended the right to life and death [6, 205]. Slaves also had no rights in Rome. The slave master had the right to kill them. During the post-classical area, the right to kill slaves was revoked [6, 205].

2. International acts aimed at protecting the right to life

European Convention on Human Rights also protects the right to life, precisely in its Article 2, "The right to life" 1. Everyone's right to life shall be protected by law. No one shall be deprived of his life intentionally save in the execution of a sentence of a court following his conviction of a crime for which this penalty is provided by law. 2. Deprivation of life shall not be regarded as inflicted in contravention of this Article when it results from the use of force which is no more than absolutely necessary: (a) in defence of any person from unlawful violence; (b) in order to effect a lawful arrest or to prevent the escape of a person lawfully detained; c) in action lawfully taken for the purpose of quelling a riot or insurrection. Death penalty is not permissible by the Albanian Constitution of 1998. Constitutional Court, as the only competent body to make the final interpretation of the Constitution, has rendered this interpretation of the death penalty. It has declared unconstitutional all provisions of the Albanian Criminal Code that sanctioned the death penalty in peacetime. Under German law, in no case can a right be violated in its essential content. The French Constitutional Council implies the concept of non-denaturation of the fundamental right, which is practically the same as the guarantee of the essence. The Constitutional Court has concluded that death penalty is incompatible with the very essence of the right to life. It is considered a denial of the right to life and not just a restriction of such right [4]. If a family member dies in circumstances involving the state, you may be entitled to an investigation. The state is also required to investigate suspicious deaths and deaths in custody [5]. Does the right to life under Article 2 include the right to death? According to the current judicial interpretation (*Pretty v. The United Kingdom* (2002) 35 E.H.R.R.1, sec. 39), no. Article 2 can not, without a distortion of meaning, be construed as providing for a diametrically opposite right, namely the right to death, nor can it establish the

right to self-determination in the sense of giving an individual the right to choose death rather than life.

Thus, euthanasia is a matter for national authorities and the law on assisted suicide is changing across Europe. Assisting someone in committing suicide in the UK is still a breach under the 1961 Suicide Act – the provision that Mrs Pretty was looking to challenge. However, in the case of Daniel James, a young man paralyzed in a rugby accident, the Chief of Public Prosecution Offices recently acknowledged that there was ‘sufficient evidence’ to prosecute parents who helped his suicide in Switzerland, but that was not a matter “of public interest” (10 December 2008). Death penalty is not permissible by the Albanian Constitution of 1998. Constitutional Court, as the only competent body to make the final interpretation of the Constitution, has rendered this interpretation of the death penalty. It has declared unconstitutional all provisions of the Albanian Criminal Code that sanctioned the death penalty in peacetime, significantly and in at least four respects:

Positive obligations of the state to protect the right to life

(1) A. The duty to protect people from the risk of harm inflicted by the activities of public authorities [8]. The nature of the positive obligations of the State. Article 2 orders the State not only to refrain from intentional and unlawful homicide but also to take appropriate steps aimed at protecting the lives of people under its jurisdiction (Center for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania). In broad terms, this positive obligation implies two aspects: (a) the duty to provide a regulatory framework; and (b) the obligation to take operational preventive measures. B. The extent of positive obligations of the state. The duty to protect people from the risk of harm inflicted by the activities of public authorities. Thus the Court has found positive obligations arising under Article 2 in a number of various contexts, such as, for example: in the context of health care (Calvelli and Ciglio v. Italy [GC]; Vo v. France [GC]); in the context of risky

activities, including industrial or environmental disasters (Öneryıldız v. Turkey [GC]; Budayeva et al v. Russia; Kolyadenko et al v. Russia; Brincat et al. V. Malta; M. elzel et al v. Turkey); in the context of incidents on ship boards (Leray et al v. France (December)), on trains (Kalender v. Turkey), on a construction site (Pereira Henriques v. Luxembourg), on a playground (Koceski v. former Yugoslav Republic of Macedonia (dec.)); or at school (Ilbeyi Kemaloğlu and Meriye Kemaloğlu v. Turkey); in the context of road traffic safety (Rajkowska v. Poland (December); Anna Todorova v. Bulgaria); provision of emergency services (Furdíkv. Slovakia (December)); or deep-sea diving operations (Vilnes et al v. Norway); in the context of care and medical assistance provided to persons in need institutionalized in state institutions (Others v. Bulgaria; Center for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania [GC]; Dumpe v. Latvia (December); in the context of the State’s failure to properly secure an area mined by the army (Pasha and Erkan Erol v. Turkey; Albekov et al v. Russia); to secure and supervise surveillance radiation containing unexploded ordnance (Oruk v. Turkey); and react immediately to a disappearance in life-threatening circumstances (Osmanoğlu v. Turkey; Dodov v. Bulgaria). The Court ruled that positive obligations under Article 2 require States to adopt regulations aimed at protecting the safety of people in public spaces and to ensure the effective functioning of this regulatory framework (Ciechońska v. Poland, Poland 69; Banel v. Lithuania, 68). 58. In this regard, it could not be excluded that in certain circumstances, the actions and inactions of authorities in the policy context – the duty to protect people from the risk of harm inflicted by the activities of public authorities – may involve their liability under the essential limb of Article 2 of the Convention. However, where a Contracting State adopts a general legal framework and legislation adapted to different contexts related to public spaces in order to protect users, the Court may not accept that such matters as an error

of judgment by the individual player or negligent coordination between professionals, whether public or private, were sufficient to make a Contracting State accountable from the viewpoint of its positive obligation under Article 2 of the Convention to protect life (*Marius Alexandru and Marinela Stefan v. Romania*, 100; *Smiljanić v. Croatia*, § 70). 59. The Court further notes that a positive obligation should not be interpreted in such a way as to impose an excessive burden on the authorities, given, in particular, the unpredictability of human behavior and the operational choices that need to be made in terms of priorities and sources (*Ciechońska v. Poland*, § 64; *Marius Alexandru and Marinela Ștefan v. Romania*, § 100) [10]. 60. It further recalls that the choice of means to provide positive obligations under Article 2 is, in principle, a matter which falls within the discretion of the Contracting State. The duty to protect people from the risk of harm inflicted by the activities of public authorities (*Ciechońska v. Poland*, § 65; *Marius Alexandru and Marinela Ștefan v. Romania*, § 102). 61. After all, the question of whether there has been a failure by the state in its regulatory duties requires a concrete rather than an abstract assessment of the alleged shortcomings (*Marius Alexandru and Marinela Ștefan v. Romania*, 3103 and *Smiljanić v. Croatia**, § 72). 62. In the context of activities that might put human life at risk due to their dangerous nature, such as activities carried out at construction sites, States are required to take reasonable steps to ensure the safety of individuals when necessary, by adopting regulations relating to specific features of the activity (*Cevrioğlu v. Turkey*, § 57 onwards). In particular, in the absence of the necessary safety precautions, any construction site, especially one in a residential area, has the potential for life-threatening incidents that can affect not only professional construction workers, who are more familiar with potential hazards, but also the general public, including vulnerable groups such as children, who can easily become subject to such hazards (*Zinatullin v. Russia*, § 28).

Guide to Article 2 of the Convention – Right to Life – European Court of Human Rights 17 / 55 Last update: 30.04.2021. In a case involving allegations of shortcomings in the implementation of the road safety regulatory framework, the Court underlined that the positive obligations of the State in this context included, in the first place, the obligation to impose an appropriate set of preventive measures aimed at ensuring public safety and minimizing the number of road accidents and, secondly, to ensure the effectiveness of such measures in practice (*Smiljanić v. Croatia**, § 69). 64. The Court finds that the respondent (State) failed in its duty to protect the right to life, (*Kalender v. Turkey*, § 49), which concerned the death of two persons in a railway accident; (*Banel v. Lithuania*, § 69), where the complainants died from injuries sustained when part of a balcony detached from a building and fell on; (*Cevrioğlu v. Turkey*, § 72), involving the death of the plaintiff's ten-year-old son who drowned after entering an uncovered hole filled with water at a construction site; see also (*Binnur Uzun et al v. Turkey*, § 49), where the plaintiff's father entered the shaft of an elevator in a building whose construction had been abandoned; (*Smiljanić v. Croatia**, 85 §), where the plaintiff died in a traffic accident caused by a reicidivist driving under the effect of alcohol [10]. The essential purpose of an investigation under Article 2 is to ensure the effective enforcement of domestic law aimed at protecting the right to life and, in those cases involving state agencies or bodies, to ensure their accountability for deaths occurring under their authority (*Hugh Jordan v. United Kingdom*, § 105; *Nachova et al. v. Bulgaria [GC]*, § 110); (*Al-Skeini et al v. United Kingdom*). Form of investigation. Which form of investigation will achieve the goals of Article 2 may vary depending on the circumstances. However, whatever the form, authorities must act on their own motion once the matter is brought to their attention. They can not leave it at the initiative of a relative either to make a formal complaint or to assume the conduction of any investigative proceedings (*Al-Skeini et al. v. United Kingdom [GC]*, § 165). 140.

In the context of alleged murders committed by or in collaboration with state agencies, civil proceedings, which are initiated by a relative, rather than the authorities, and which do not involve the identification or conviction of a suspected perpetrator, may not be taken into account when assessing the State's compliance with its procedural obligations under Article 2 of the Convention (*Hugh Jordan v. United Kingdom*, § 141) because, in such cases, the State's procedural obligation under Article 2 cannot be satisfied simply by awarding indemnities (*McKerr v. United Kingdom* (December), 121; (*Bazorkina v. Russia*, 7117); (*Al-Skeini et.al v. United Kingdom* [GC], 5165 §) .141. The Court explained that this is because, in murder cases, the interpretation of Article 2, as causing an obligation to conduct a formal investigation, is justified not only because any charge of such an offense normally gives rise to criminal liability, but also because often, in practice, in the context of murders allegedly committed by or in collaboration with state agents, death circumstances are, or may be, largely limited to the knowledge of state officials or authorities, so that the conduct of appropriate internal actions such as e.g. criminal prosecution, disciplinary proceedings and actions aimed at providing legal remedies for the victims and their families, will be conditioned by an adequate formal investigation (*Makaratzis v. Greece* [GC], § 73; *Khashiyev and Akayeva v. Russia*, 120 § § –121).

E. Nature and extent of observation¹⁴². The nature and extent of the observation that meets the minimum threshold for the effectiveness of an investigation depends on the circumstances of the particular case. It must be assessed on the basis of all relevant facts and in relation to the practical realities of the investigative work (*Center for Legal Resources on behalf of Valentin Câmpeanu v. Romania* [GC], § 147). It is not possible to reduce the variety of situations that may occur in a bare list of investigative acts or other simplified criteria (*Velikova v. Bulgaria*, § 80). 143. Where a suspicious death has been caused at the hands of a state agent, strict surveillance should particularly be applied by the relevant local authorities for subsequent inves-

tigation (*Enukidze and Girgvliani v. Georgia*, § 277; *Armani Da Silva v. United Kingdom* [GC], § 234). 144. In the context of disappearances, given the fact that disappearance is a special phenomenon, characterized by a constant situation of uncertainty and irresponsibility in which there is a lack of information or even a deliberate concealment of what has happened, and, that this situation is too often drawn up over time, prolonging the toil of the victim's relatives with the other distinguishing element of the subsequent failure to account for the locations and fate of the missing person, a constant situation arises. Thus, in such cases, the procedural obligation will potentially continue as long as the person's fate is not taken into account; continued failure to ensure proper investigation will be considered a continuing violation. This is so, even where death can eventually be assumed (*Varnava et al. V. Turkey* [GC], § 148). 145. In cases of contract murder, the Court held that the investigation could not be considered appropriate in the absence of genuine and serious investigative efforts undertaken in order to identify the intellectual perpetrator of the crime [12].

The European Union (EU) and the Council of Europe strongly oppose the death penalty at all times and in all circumstances. Death penalty is a cruel, inhuman and degrading punishment contrary to the right to life. Death penalty means revenge, rather than justice, and its abolition contributes to the strengthening of human dignity.¹⁴² countries, representing 74% of the United Nations member states, have already banned death penalty by removing it from their criminal code, or have not undertaken such executions for a long time. The trend of abolishments is continuing, with the number of death sentences and executions also declining. In 2018, executions were carried out in 20 countries, representing a historically low level of 10% of the world's countries.

Council of Europe member states that have not yet adhered to Protocols no. 6 and 13 of the European Convention on Human Rights have been invited to do so without delay. The Council of Europe and the EU, once again, urge Belarus to abolish death

penalty and join the community of nations that have chosen to replace revenge with human dignity. They also invite observing countries to the Council of Europe, which have not yet abolished death penalty, to engage in the dialogue on the obstacles that stand in their way toward abolishment [12].

Over the past 60 years, there has been a growing trend in the world towards restricting the use of the death penalty. This can be seen in the increasing number of countries that have become *de iure* or *de facto* abolitionists, and the declining number of crimes for which the death penalty can be imposed in those countries that still hold death penalty [13].

3. International law and death penalty

The imposition of death penalty may involve the violation of a number of internationally guaranteed human rights. These include the right to not be arbitrarily deprived of life, and a set of specific procedural and other rights that must be respected in any case in which the death penalty is imposed. The imposition of death penalty may also violate other rights, such as the right to not be subjected to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the right to a fair trial, just equality and non-discrimination, and freedom of thought. This section focuses on the right to life and the specific requirements regarding the death penalty. The right to life is guaranteed under a number of international human rights instruments, as well as under the constitutions of most countries in the world. It is generally accepted as part of customary international law. International law guarantees everyone the right to life, or rather the right to not be arbitrarily deprived of life. Example, Article 3 of the Universal Declaration of Human Rights, while Article 6 (1) of the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR) 18 provides: “*Every human being has the inherent right to life. This right shall be protected by law. No one shall be arbitrarily deprived of his life*”. The right to life is not an absolute right – a person has the right to have his or her right to life protected by law and should not be arbitrarily deprived of life¹⁹. This means that there are certain circumstances in which a person may be legally

and arbitrarily deprived of his / her life. It is generally accepted that customary international law has not yet abolished the death penalty, although there are many restrictions on when and how it can be imposed. The general position under international law is defined in the Guarantees ensuring the protection of the rights of those facing the death penalty, adopted by the Economic and Social Council of the United Nations and referred to numerous cases in the resolutions of the UN General Assembly, the Commission and other international bodies. The main UN treaty is the ICCPR (supplemented by its Second Optional Protocol). The standards set out in the Preventive Measures essentially reflect the guarantees. Therefore, all countries are bound by the same standards regarding the death penalty, regardless of whether they are a party or not.

Conclusions

The right to life is one of the fundamental rights.

The right to life is the first human right, the enjoyment of which is a requisite for the enjoyment of other rights.

The imposition of the death penalty may involve the violation of a number of internationally guaranteed human rights. These include the right to not be arbitrarily deprived of life, and a set of specific procedural and other rights that must be respected in any case in which the death penalty is imposed. The imposition of the death penalty may also violate other rights, such as the right to not be subjected to cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, the right to a fair trial, just equality and non-discrimination, and freedom of thought. This section focuses on the right to life and the specific requirements regarding the death penalty. The right to life is guaranteed under a number of international human rights instruments, as well as under the constitutions of most countries in the world.

Death penalty is not permissible by the Albanian Constitution of 1998. Constitutional Court, as the only competent body to make the final interpretation of the Constitution, has rendered this interpretation of the death penalty. It has de-

clared unconstitutional all provisions of the Albanian Criminal Code that sanctioned the death penalty in peacetime. The state has a positive obligation to protect people's lives within its jurisdiction, the duty to protect people from the risk of harm from actions of public authorities.

The state must protect people's lives in the context of health care, dangerous activities, and incidents on ship boards and on a construction site. It must increase public safety and minimize road accidents.

References:

1. Council of Europe. Rights and Freedoms in Practice.
2. Universal Declaration of Human Rights. URL: <https://www.crca.al/sites/default/files/publications/Deklarata%20Universale%20e%20te%20Drejtave%20te%20Njeriut%20%281948%29.pdf>
3. The Constitution of the Republic of Albania.
4. Omari L., Anastasi A. E drejta Kushtetuese Tirana. 2017.
5. European Convention on Human Rights, added by law no. 8641, dated 13.7.2000. (additional protocol), added by law no. 9264, dated 29.7.2004. (additional protocol), amended by law no. 9453, dated 15.12.2005. (additional protocol).
6. Mandro A., E Drejta Romake, – Tirana. 2011.
7. Tozaj D., Komentari i Të drejtave dhe Lirive të Njeriut.
8. URL: <https://justice.org.uk/article-2>
9. Decree No. 65 dated 10.12.1999 of the Constitutional Court.
10. Guide on article 2 of the European Convention on Human Rights. Right to Life 30. April, 2021.
11. Criminal Code of the Republic of Albania, 2021.
12. URL: <https://www.coe.int/sq/web/tirana/-/death-penalty-day-eu-council-of-europe-joint-statement>
13. Byrnes A. The Right to Life the Death Penalty and Human Rights Law 2007.

Contents

Section 1. Demography and ethnography	3
<i>Hendrar Prihadi, Budi Setiyono, Yuwanto, Teguh Yuwono</i>	
SEMARANG SMART CITY GOVERNANCE MODEL	3
Section 2. Study of art	19
<i>Davidenko Lilia</i>	
“NERON” by A. RUBINSTEIN IN THE CONTEXT OF INTERACTIONS OF THE POETICS OF THE RUSSIAN AND FRENCH MUSIC THEATER	19
<i>Malyarchuk Kateryna Gennadijevna</i>	
THE PLACE OF MAKEUP IN THE STRUCTURE OF ACTING INS REINCARNATION	27
<i>Xuanyang Zhu</i>	
REQUIEM J. RUTTER IN THE CONTEXT OF EVOLUTIONARY PATHWAYS OF DEVELOPMENT OF THE CHRISTIAN FUNERAL MUSICAL AND HISTORICAL TRADITION	32
<i>Shpak Galina</i>	
“HUNGARIAN PSALM” BY ZOLTAN KODALY: TRADITION AND INNOVATION	39
Section 3. History and archaeology	47
<i>Alice Liu, Betty Wang</i>	
DONA MARINA: THE CONDUIT OF COMMUNICATION BETWEEN THE SPANISH COLONISTS AND THE MESOAMERICNA PEOPLE	47
Section 4. Cultural studies	54
<i>Kozlovska Maryna Victorovna</i>	
HOLIDAYS IN THE CONTEXT OF FORMATION OF SOCIOCULTURAL IDENTITY	54
Section 5. Political science	59
<i>Master Dang Van Tien, Master Nguyen Huu Hoi,</i>	
<i>Master Dang Van Tung, Bachelor Phung Tien Nghia</i>	
SOLUTIONS IN MANAGING SUSTAINABLE SOCIAL SECURITY DEVELOPMENT IN VIETNAM TODAY	59
Section 6. Philology and linguistics	64
<i>Kabaliants Ekateryna Petrovna, Skubachevska Liubov Olexandrivna</i>	
“TOUCHING THE OTHER WORLDS”: THE POETICS OF “BORDERLINE” STATES IN THE ARTISTIC WORLD OF F. DOSTOEVSKY	64
Section 7. Science of law	69
<i>Dr. Arjana Llano, Dr. Stela Mecaj</i>	
THE RIGHT TO LIFE	69